

СИСТЕМНЫЙ ОРУЖЕЙНИК 1941

ИЗНОС СТВОЛА
0.47 мм

ЗАЗОР 0.15
ДОПУСК 0.20

ПРУЖИНА
ОСЛАБЛЕНА
-23%

ПОСАДОЧНОЕ МЕСТО
ДОПУСК 0.05

ЭЛЬ КРАВЕН

18+

Эль Кравен

Системный оружейник. 1941

«Автор»

2026

Кравен Э.

Системный оружейник. 1941 / Э. Кравен — «Автор», 2026

Я погиб из-за шайбы стоимостью восемь рублей двадцать копеек. А очнулся 22 июня 1941 года в теле младшего сержанта Михаила Грачёва. Вокруг горит склад, немцы уже близко, а перед глазами висит надпись: «Объект неисправен». Система не выдаёт мне оружие из воздуха и не начисляет опыт за убитых. Она видит трещины в металле, считает каждый возвращённый в строй ствол и каждую ошибку, за которую заплатит расчёт. Чтобы выжить, придётся собрать мастерскую из обломков, научить людей ремонтировать без меня и превратить разрозненные посты в настоящий арсенал. Вот только поломки бывают не случайными. Кто-то подменяет детали, срывает ремонт и ведёт немцев к нашим складам. А до Тулы уже дошла война. Я не танкист, не разведчик и не великий полководец. Я оружейник. И если хотя бы один пулемёт замолчит в нужную минуту — фронт может не удержаться.

© Кравен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре часа утра	5
Глава 2. Оружие не чинят молитвой	16
Глава 3. Последний мост	31
Глава 4. Котёл	46
Глава 5. Человек из Третьего отдела	59
Глава 6. Полк из обломков	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эль Кравен

Системный оружейник. 1941

Глава 1. Четыре часа утра

Первый раз я умер из-за шайбы стоимостью восемь рублей двадцать копеек.

Сама шайба, если разобраться, ни в чём не провинилась. Обычная оцинкованная железка, которую закупщик протасил вместо детали из жаропрочного сплава. На накладной сэкономили сорок семь тысяч. В отчёте написали про оптимизацию издержек. Хорошее выражение. Такое аккуратное, бескровное. Никак не подумаешь, что через полгода эта оптимизация разлетится по испытательному боксу вместе с креплением, сорвёт клапан и превратит сорок килограммов экспериментальной смеси в очень убедительный довод против экономии.

Я заметил прогар раньше автоматики.

Красная точка появилась на стыке трубопровода и корпуса смесителя. Крошечная, как огонёк дешёвой зажигалки. Датчик температуры продолжал показывать норму. Миша Ковалёв за стеклом поднял большой палец, решив, что испытание наконец пошло как надо.

Я нажал аварийный останов.

Ничего не произошло.

Точнее, на пульте загорелась надпись «ЦИКЛ ПРЕРВАН», клапаны дружно отчитались о закрытии, а насос продолжил гнать состав в магистраль. Современная техника в этом смысле мало отличается от современного руководителя: главное вовремя сообщить, что проблема решена. Сама проблема может пока подождать.

— Из бокса! — крикнул я.

Ковалёв сперва удивился, потом увидел огонь и перестал тратить время на вопросы. В коридоре завывала сирена. Я успел добежать до ручного отсечного вентиля и сорвать пломбу. Металл под ладонью был горячим. Из щели уже било тонкое белое пламя.

Вентиль не двигался.

Я навалился всем весом. Рукоять провернулась на четверть оборота, застряла и вдруг пошла легче. За толстым стеклом мелькнула спина Ковалёва. Значит, хотя бы один человек выйдет.

Последней моей мыслью было не о семье, не о Боге и даже не о том, что я слишком молод для смерти. В сорок четыре подобное кокетство выглядело бы глупо.

Я подумал: всё-таки не тот сплав.

Потом стену ударило мне в лицо.

* * *

Второй раз я пришёл в себя оттого, что кто-то пытался сломать мне рёбра.

Не образно. Чужие ладони действительно давили на грудь с таким усердием, словно внутри меня заклинило пружину и её собирались продавить силой.

— Дыши, зараза! Ну! Давай!

Я вдохнул.

В лёгкие вместе с воздухом вошла пыль. За ней гарь, масло и резкий запах, который я не спутал бы ни с чем даже после смерти. Горел бездымный порох.

Меня вывернуло набок. Желудок оказался пустым, зато кашлять пришлось долго и со вкусом. Человек рядом отпустил мою грудь, подхватил под плечо и несколько раз хлопнул по спине.

— Хорош, хорош. Живой уже. Мишка, слышишь меня?

Я слышал. Понимал хуже.

Перед глазами медленно собиралось лицо: лет сорока, широкое, в копоти, с поседевшими усами. На лбу темнела кровь. Мужчина был в гимнастёрке со стоячим воротником. Не в стилизованной форме для реконструкторов, а в настоящей, вытертой и пропитанной потом. В петлицах поблёскивали треугольные знаки различия.

За спиной мужчины вместо испытательного бокса находилось помещение с кирпичными стенами. Вдоль них стояли деревянные стеллажи и пирамиды с винтовками. Часть потолка обвалилась, придавив ближайшие ящики. Через пробоину лился серый предрассветный свет.

Где-то совсем рядом ударило снова.

Пол подпрыгнул. Со стеллажа посыпались промасленные свёртки, лампа качнулась на длинном проводе, а кирпичная крошка застучала по металлическим крышкам ящиков.

— Мать вашу, — сказал усатый без особого выражения и прикрыл мне голову ладонью.

Я посмотрел на его руку. Чёрные ногти, мелкие ожоги, въевшаяся в кожу оружейная смазка. Потом на свою.

Рука была не моя.

На моей правой ладони тянулся белый шрам от фрезы. Я получил его двадцать лет назад, когда решил, что закрепить заготовку можно и без прижима, если очень торопишься. Полезный был шрам. Лучше любого инструктажа объяснял молодым, зачем на станке стоят защитные приспособления.

Сейчас ладонь была гладкой. Узкой, молодой и тоже грязной, но совершенно целой.

Я сжал пальцы. Они послушались.

— Сколько? — спросил я.

Голос оказался чужим. Выше моего и хриплым от пыли.

— Чего сколько?

— Людей. Пострадавших.

Мужчина замер. Его взгляд на секунду сделался внимательным, почти трезвым, хотя пьяным он и до этого не выглядел.

— Головой тебя хорошо приложило, — решил он. — Какие пострадавшие? Кузьму насмерть, Аркадьич под балкой. Остальные снаружи. Вставай, если можешь. Второго налёта здесь ждать нельзя.

Я сел. Мир накренился вправо и неохотно вернулся на место.

На мне была такая же гимнастёрка, ремень с латунной пряжкой, галифе и сапоги. Сапоги сидели отвратительно: левый жал, правый болтался. В петлицах поблёскивали такие же треугольные знаки. В нагрудном кармане лежала красноармейская книжка, но пальцы нащупали её раньше, чем я успел подумать, что ищу.

На фотографии был я. Новый я.

Худое лицо, короткие тёмные волосы, прямой нос, слишком серьёзный взгляд. Под фотографией чернилами: «Грачёв Михаил Алексеевич». Год рождения — 1919-й. Воинская специальность — оружейный мастер. Звание — младший сержант.

Я перечитал дважды.

Обычно после смерти ожидаешь либо ничего, либо хотя бы человека, способного объяснить правила. Мне достались чужое тело, склад вооружения и усатый мужчина, который явно считал объяснения пустой тратой времени.

— Федот Савельевич, — сказал я.

Имя всплыло само. Вместе с ним пришёл короткий обрывок: тот же человек сидит за верстаком, шуруется на свет и заставляет меня в третий раз подгонять какую-то деталь. «Меньше напильником махай, Грачёв. Металл обратно не нарастёт».

Не память. Скорее сорванная этикетка, приклеившаяся к пальцам.

Усатый нахмурился.

— Узнал всё-таки. Уже неплохо.

— Где мы?

— На складе мы, Миша. На полковом. Вчера здесь были, представляешь? И позавчера тоже.

— Где склад находится?

Федот Савельевич выругался, присел передо мной и взял за подбородок. От него пахло махоркой и машинным маслом.

— Зрачки вроде одинаковые. Тошнило?

— Уже.

— Много?

— Результат вас бы не впечатлил.

Он посмотрел ещё несколько секунд. За стеной затрещали выстрелы. Не одиночные хлопки пистолета и не автоматная очередь из кино. Работал пулемёт, длинно, с короткими перерывами. Ему отвечали винтовки.

Федот отпустил мой подбородок.

— Четыре километра до Буга. Летний лагерь нашего стрелкового полка. Война, если ты и это забыл.

Война.

Слово ничего не объяснило. Наоборот, потребовало ещё десяток уточнений.

— Какая дата?

Теперь он смотрел на меня без раздражения. Наверное, решил, что половина мозга всё-таки осталась под кирпичами.

— Двадцать второе июня.

Я стиснул книжку.

— Год.

— Сорок первый, — медленно произнёс Федот. — Ты лежи лучше. Я Ракитину скажу, что от тебя сейчас пользы...

Новый взрыв проглотил конец фразы.

Сорок первый.

Некоторые даты человек помнит, даже если история никогда его особенно не интересовала. Двенадцатое апреля. Девятое мая. Двадцать второе июня. Для этого не надо знать номера дивизий, фамилии командующих и глубину немецких танковых клиньев. Достаточно понимать, сколько людей встретило сегодняшнее утро живыми и не дожило до следующего.

Я снова посмотрел на книжку. Михаил Грачёв, двадцать два года. Четыре километра до границы.

В прошлой жизни я умер неудачно.

В этой проснулся ещё хуже.

— Что горит? — спросил я.

— Дальний навес. Там пустая тара и ветошь. К боеприпасам пока не перекинулось.

— Почему порохом пахнет?

— Два ящика разворотило. Патроны россыпью. Миш, я понимаю, тебе страшно. Мне тоже не весело. Но если можешь идти, поднимайся. Немцы через реку полезли. Наши у дороги держатся, а нам приказано вынести исправное и отходить ко второй казарме.

Я опёрся ладонью о пол. Под ней хрустнуло стекло. Голова возражала против подъёма, левое колено тоже имело своё мнение, но оба были в меньшинстве.

В полный рост новое тело оказалось примерно моего прежнего роста, чуть выше ста восьмидесяти. Только весило килограммов на двадцать меньше. Плечи узкие, мышцы жилистые,

живот пустой. После сорока четырёх подобная комплектация могла считаться подарком. Если не вспоминать, что подарок доставили в июне сорок первого.

Из-под рухнувшего стеллажа торчала нога.

— Аркадьич? — спросил я.

— Он. Балку вдвоём не поднимем.

Нога шевельнулась.

Я посмотрел на Федота.

— Вы сказали, насмерть только Кузьму.

— Пока только Кузьму.

— Тогда берём рычаг.

— Какой ещё...

Я уже видел его. Стальная труба лежала у верстака, наполовину засыпанная кирпичом. Не Система подсказала. Обычная привычка сначала осматривать помещение, потом жаловаться на отсутствие инструмента.

Федот сплюнул на пол, но спорить не стал.

Мы подсунули трубу под балку. Упор получился дрянной, кирпич крошился, руки скользили. С первого раза балка только качнулась. Из-под неё донёсся стон.

— Аркадьич! — крикнул Федот. — Ногу тяни, как поднимем!

— Сам бы догадался, — глухо ответили из-под стеллажа.

Живой. Ещё и характер не придавило.

Мы навалились снова. В новом теле силы оказалось меньше, чем ожидал мозг. Зато оно не знало моей старой боли в пояснице и не хрустело левым плечом. Балка приподнялась на несколько сантиметров. Нога дёрнулась, исчезла под досками, а потом из щели показался человек в разорванной рубаше. Он выполз на локтях, волоча за собой правую ногу.

Федот бросил трубу и оттащил его к стене.

— Чувствуешь пальцы?

— Я тебе сейчас ими в глаз ткну.

— Значит, чувствуешь.

Я присел рядом. Аркадьич оказался пожилым красноармейцем с редкой седой щетиной. Штанина ниже колена быстро темнела.

— Кость целая, — сказал он раньше, чем я успел коснуться ноги. — Доской распорол.

— Очень удачно, — отозвался я. — Просто праздник.

Аркадьич хмыкнул и тут же зашипел от боли.

В памяти нового тела нашёлся бинт: перевязочный пакет лежал в подсумке на ремне. Я вскрыл его и затянул повязку поверх раны. Не врачебная работа, но кровь замедлилась.

— Снаружи санитары есть?

— Были, — ответил Федот. — До бомбёжки.

Он поднял с пола винтовку, передёрнул затвор и поморщился.

— Песка набило.

— Эту не бери.

— Другую мне немцы у двери оставили?

Я обвёл взглядом помещение.

До этого я видел просто разгромленный склад. Теперь начал различать имущество.

Шесть пирамид для винтовок, две опрокинуты. Ящики с клеймами, часть разбита. Верстак с тисками. Набор калибров. Банки со смазкой. Деревянные пеналы с запасными частями. На дальней стене, рядом с запертой решёткой, стояли два ручных пулемёта ДП. Один лежал на боку, придавленный обломком стеллажа. Второй выглядел целым.

— Пулемёты исправны? — спросил я.

Федот проследил за моим взглядом.

— Тот, что под досками, теперь точно нет. Второй Гришка ночью принёс. Не досылает. Я до утра хотел посмотреть.

— Посмотрели.

— Очень смешно.

Снаружи раздались быстрые шаги. В дверях появился молодой командир с окровавленной щекой. Фуражку он потерял, русые волосы прилипли ко лбу. В одной руке держал револьвер, второй прижимал к боку пустой брезентовый подсумок.

— Соломин! Пулемёт готов?

Федот качнул головой.

— Не успели, товарищ лейтенант.

— Тогда патроны давайте. Все, какие есть. У ефрейтора второй диск почти пустой.

Лейтенант заметил меня и на секунду замолчал.

— Грачёв? Мне сказали, тебя убило.

— Не подтвердилось, — ответил я.

Он не улыбнулся. В другое время я мог бы обидеться.

— У дороги человек двадцать пехоты. Может, разведка, может, передовой дозор. Наш «Максим» накрыло первым же разрывом. Остались винтовки и один ДП. Если они обойдут склад справа, нам конец. Сколько нужно времени на второй?

Федот глянул на исправный с виду пулемёт.

— Не знаю. Разобрать надо.

— Пять минут есть?

— За пять только крышку снять успею, если руки трястись будут.

— А если не будут? — спросил я.

Федот повернулся ко мне всем корпусом.

— Ты едва стоишь.

— Зато руки молодые.

— Они и вчера молодые были. Пулемёт от этого не починился.

Лейтенант перевёл взгляд с него на меня.

— Сможешь, Грачёв?

Правильный ответ зависел от того, кем я сейчас являлся. Сергей Лавров никогда не ремонтировал ДП-27 в боевой обстановке. Он видел эти пулемёты в музее, работал с поздними модификациями и достаточно знал устройство, чтобы не путать газовый регулятор с прицелом. Михаил Грачёв, судя по документам и памяти пальцев, должен был разбирать ДП с закрытыми глазами.

Проблема заключалась в том, что ни один из нас не знал причины неисправности.

— Если есть целые детали, сделаю, — сказал я. — Если нет, за пять минут металл не отрастёт.

— У тебя четыре, — бросил лейтенант. — Я пришлю бойца за дисками.

Он развернулся, но у двери остановился.

— И склад готовьте к подрыву. Если не удержимся, немцам ничего не оставим.

— Здесь раненый, — сказал Федот.

Лейтенант посмотрел на Аркадьича.

— Вынесем. Сначала дорогу надо удержать.

— Товарищ лейтенант, — окликнул я. — Как ваша фамилия?

Тот устало провёл рукавом по окровавленной щеке.

— Ракитин. Ты меня вчера знал.

— Вчера я много кого знал.

Он задержал на мне взгляд, но времени на выяснение последствий моей контузии у него не было.

— Четыре минуты, Грачёв.

Ракитин выбежал.

Я снял со стены пулемёт и положил на верстак.

Затворная рама не дошла вперёд примерно на палец. Я отвёл её назад, отпустил. То же самое. Соппротивление появлялось в конце хода, мягкое и вязкое. Грязь, деформация, ослабленная пружина, чужая деталь после неудачного ремонта. Вариантов хватало.

Федот встал рядом.

— Что застыл?

— Думаю.

— Думать будешь после войны. Разбирай.

Я нажал защёлку.

В тот момент перед глазами появилась надпись.

Не вспышка и не яркая голограмма, как в дешёвой игре. Просто тонкие серые строки, будто кто-то печатал их прямо на внутренней стороне глаз.

ОБЪЕКТ РАСПОЗНАН: 7,62-ММ РУЧНОЙ ПУЛЕМЁТ ДП.

СОСТОЯНИЕ: НЕБОЕСПОСОБЕН.

Я моргнул.

Строки остались.

— Ещё раз приложило? — спросил Федот.

— Возможно.

ДОСТУПНА БАЗОВАЯ ДИАГНОСТИКА.

Под надписью возникла едва заметная схема. Несколько узлов окрасились жёлтым, один — красным.

ОСНОВНАЯ НЕИСПРАВНОСТЬ: ВОЗВРАТНО-БОЕВАЯ ПРУЖИНА. ОСТАТОЧНАЯ УПРУГОСТЬ — 19%.

СОПУТСТВУЮЩИЕ: ЗАГРЯЗНЕНИЕ НАПРАВЛЯЮЩИХ; ДЕФОРМАЦИЯ КРАЯ МАГАЗИНА; ИЗНОС УДАРНИКА.

РАСЧЁТНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ЗАДЕРЖКИ ПРИ СТРЕЛЬБЕ — 83%.

Я смотрел на цифры и пытался решить, что меня беспокоит сильнее: переселение в 1941 год или то, что оно сопровождалось технической документацией, встроеной в голову.

— Миша!

— Нужна возвратно-боевая пружина. Эта села.

Федот дёрнул себя за ус.

— Я и без тебя вижу, что рама не идёт. Пружин в пенале нет, вчера последнюю отдал в батальон.

Я посмотрел на второй ДП под обломками.

Над ним сразу появилась новая подпись.

СОСТОЯНИЕ: НЕПРИГОДЕН К СТРЕЛЬБЕ.

ИСПРАВНЫЕ СЪЁМНЫЕ УЗЛЫ: 61%.

Схема выделила пружину зелёным.

— На том целая.

— Ствольную коробку смяло.

— Мне коробка не нужна.

Мы вдвоём сдвинули обломок. Федот выдернул искорёженный пулемёт, положил рядом и начал разбирать прежде, чем я попросил. Его пальцы двигались быстро, без суеты. Память тела подхватила знакомый порядок действий. Я перестал думать о каждой защёлке отдельно, и работа пошла быстрее.

Снаружи пулемёт дал короткую очередь и замолчал.

— Диск меняют, — сказал Федот.

— Или менять уже некому.

— Ты всегда такой весёлый после смерти?

— Пока статистики мало.

Федот покосился на меня, но только сунул снятую деталь.

Пружина с повреждённого пулемёта была не новой, однако Система оценила её остаточную упругость в семьдесят четыре процента. Хватит. Я заменил её, очистил направляющие и выправил замятый край диска. Ударник оставался изношенным, но расчётная вероятность задержки упала сначала до двадцати двух, затем до девяти процентов.

Девять — много. Для отчёта можно округлить до приемлемого значения. Для человека, который будет лежать за пулемётом, разница между одним процентом и девятью измеряется не цифрами.

Я разобрал повреждённый ДП ещё раз.

— Что ищешь? — поторопил Федот.

— Ударник.

— Старый ещё походит.

— Девять выстрелов из ста он, может быть, и не подведёт.

— Откуда ты...

Очередь снаружи оборвалась. Вслед за ней кто-то закричал:

— Патроны! Диски сюда!

Федот выругался и сам нашёл нужную деталь в разбитом механизме. Она подошла. Вероятность задержки снизилась до двух процентов. Лучше я сейчас не сделаю.

Я собрал пулемёт, несколько раз проверил ход рамы и защёлкнул магазин.

В дверях появился красноармеец. Совсем молодой, веснушчатый, с винтовкой за спиной. Он схватил два снаряжённых диска и посмотрел на ДП.

— Готов?

— Теперь да.

— Давай его!

Я не отдал.

— Стрелял из такого?

— На учениях.

— На учениях по тебе не стреляли.

— А сейчас стреляют, — огрызнулся он и потянулся к рукояти.

Руки у бойца дрожали. Не сильно. От этого было только хуже: он пытался делать вид, что всё в порядке.

— Федот Савельевич, Аркадьича вынесете?

— Вынесу. Ты куда собрался?

Я поднял пулемёт. Тело знало его вес, и это оказалось неприятным открытием: значит, придётся применять знание на практике.

— Проверю ремонт.

— Грачёв, ты оружейник, не пулемётчик.

— Сегодня отдел кадров не работает.

Веснушчатый коротко, почти виновато усмехнулся. Федот не стал. Он шагнул ближе и ткнул пальцем мне в грудь.

— У дороги канава. Ляжешь рядом с ефрейтором Черновым. Не высовывайся без надобности. Если опять поплывёт голова, отдашь пулемёт и ползком назад. Понял?

Тон не допускал шуток.

— Понял.

— И не вздумай там умереть. Я тебя один раз откачал. Второй бесплатно не буду.

Он отвернулся к Аркадьичу, будто этим закрыл разговор.

Я вышел вслед за бойцом.

* * *

Снаружи было светлее, чем казалось из склада.

Горел деревянный навес. Дым полз между соснами и висел над землёй грязным слоем. На плацу лежала перевёрнутая телега, рядом валялись ящики, шинели и чья-то кружка. Воронка разорвала дорожку к казарме. У стены сидели двое раненых, третий лежал лицом вниз, и никто к нему не подходил.

Над лесом прошли самолёты. Я успел увидеть чёрные кресты на крыльях, прежде чем они скрылись за деревьями.

До этой секунды происходящее ещё можно было списать на кому, галлюцинацию или слишком дорогую реконструкцию. Самолёты поставили точку. Такого бюджета у моего подсознания не было.

— Сюда! — Веснушчатый пригнулся и побежал к дороге.

Я двинулся за ним.

Пули щёлкнули по стволам справа. Одна срезала ветку метрах в двух от нас. Я лёг раньше, чем успел испугаться. Молодое тело прижалось к земле, пулемёт оказался перед собой, локти нашли опору.

Голова работала отдельно и сообщала, что я инженер, у меня нет боевого опыта и ползти под огнём было очень плохим карьерным решением.

Тело уже тащило пулемёт к канаве.

У дороги оборонялись восемь человек. Лейтенант Ракитин сидел за сосной и стрелял из винтовки, револьвер он куда-то убрал. В канаве лежал ефрейтор Чернов, крупный парень с рыжими бровями. Перед ним стоял ДП, а рядом валялись три пустых диска. Чернов пытался вставить четвёртый, но левая рука не слушалась. Рукав потемнел от крови.

— Замена! — крикнул я.

Он повернул голову.

— Какая ещё замена?

— Обыкновенная. Подвинься.

— Я сам!

Чернов наконец попал диском в пазы. Дёрнул рукоять. Пулемёт щёлкнул вхолостую.

— Сам, — согласился я. — Особенно хорошо у тебя получается не стрелять.

Он хотел ответить, но я уже сполз в канаву рядом. Веснушчатый помог оттащить раненого. Я установил исправный ДП, прижал приклад к плечу и выглянул поверх края.

Сначала не увидел никого.

Лес, кусты, полоска дороги. Потом один из кустов переместился. За ним показалась серая каска. Немец перебежал к поваленному дереву. В двадцати метрах левее двигались ещё двое.

Я навёл пулемёт.

Палец лёг на спуск и не нажал.

На испытаниях я стрелял сотни раз. По мишеням, бронеплитам, желатиновым блокам. Обсуждал кучность и поражающее действие, ругался на плохие патроны, однажды получил премию за изменение технологии производства ствола. Всё это никак не помогало выстрелить в человека, который пригибался за деревом и, возможно, точно так же боялся.

Немец поднял винтовку.

Рядом вскрикнул веснушчатый.

Этого хватило.

Я нажал.

ДП ударил в плечо, затрясся в руках. Земля перед поваленным деревом взлетела мелкими фонтанами. Человек за ним исчез.

Я отпустил спуск.

Исправный механизм честно дослал следующий патрон. Никаких рассуждений по поводу первого убитого Система не предложила. Наверное, даже она понимала, что момент неподходящий.

— Правее! — крикнул Ракитин.

Я перевёл ствол. Между соснами показались несколько фигур. Они шли короткими перебежками, прикрывая друг друга. Никакая случайная разведка так не двигалась. Немцы уже поняли, сколько нас, и заходили во фланг.

Я дал ещё две короткие очереди. Один упал. Остальные прижались к земле.

— Ракитин! — крикнул я. — Справа обходят!

— Вижу! Седов, двоих за мной!

Лейтенант побежал вдоль канавы, увлекая за собой бойцов. Почти сразу справа затрещали винтовки.

На диске оставалось меньше половины. Я знал это не по Системе — патроны в магазине чувствовались по изменившемуся ритму. Или так считало тело Грачёва. Разбираться будем позже, если это «позже» появится.

Чернов, которого оттащили за дерево, крикнул:

— Не жги диск! По три-пять!

— Спасибо, — отозвался я. — Очень своевременный курс молодого бойца.

— А то без меня всё просрёшь!

Он был ранен, бледен и всё равно пытался командовать собственным пулемётом. Мне он сразу понравился.

Немцы залегли. На несколько секунд стало тихо, если не считать стрельбы справа и треска горящего навеса. Эта тишина пугала сильнее выстрелов. Люди не исчезли. Они готовили что-то другое.

Над краем дороги поднялась рука.

Я увидел гранату.

— Ложись!

Она упала перед канавой, ударилась о корень и скатилась вниз.

Веснушчатый смотрел на неё, не двигаясь.

Я схватил его за ремень и дёрнул на себя. Граната остановилась в шаге от сапога. Мы рухнули друг на друга. Я успел подумать, что вторая смерть в течение часа будет выглядеть уже не трагедией, а дурной привычкой.

Взрыв оглушил.

Земля ударила по лицу. В ушах зазвенело. Некоторое время я видел только рукав веснушчатого и муравья, который полз по складке ткани, не обращая внимания на войну.

Потом вернулся звук.

Кто-то орал. ДП лежал у края воронки. Магазин сорвало, сошки перекосило.

Я пополз к нему.

— Куда? — Веснушчатый вцепился в мой сапог.

— На работу.

— Там сейчас ещё кинут!

— Тогда поторопимся.

Пулемёт был цел. Внешне. Система возникла сразу, стоило коснуться кожуха.

СОСТОЯНИЕ: УСЛОВНО БОЕСПОСОБЕН.

КРЕПЛЕНИЕ СОШЕК: ДЕФОРМАЦИЯ.

МАГАЗИН: УТРАЧЕН.

КРИТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ НЕТ.

Очень рад за него. У меня критических повреждений тоже вроде не наблюдалось, хотя всё тело считало иначе.

Веснушчатый подал новый диск. Я установил его, уложил пулемёт на край воронки без сошек и услышал немецкие голоса совсем близко.

Три фигуры поднялись из кустов.

Я выстрелил первым.

На этот раз палец не задержался.

Один немец упал сразу. Второй развернулся и сделал несколько шагов назад, прежде чем рухнуть на колени. Третий бросился за дерево. Я провёл стволом вслед, но патроны ушли выше и срезали кору.

Справа ударили наши винтовки. Ракитин что-то крикнул. Немецкая группа начала отходить, прикрываясь дымом от склада.

Я не стрелял им вслед. Не из милосердия. Просто не видел смысла тратить боеприпасы на серые спины, мелькавшие между деревьями. Через полчаса, час или два они вернутся с миномётом, пулемётами и людьми. А у нас останется тот же склад, восемь бойцов и один ДП, который я собрал из двух.

Ракитин прибежал, тяжело дыша. На рукаве у него появилась новая прореха.

— Ушли?

— Эти — да.

Лейтенант посмотрел на дорогу. Там лежали немецкие солдаты. Один ещё двигался, подтягивая ноги к животу.

Ракитин отвернулся первым.

— Откуда стрелять научился?

— На испытаниях.

— На каких?

— Долго объяснять.

Он хотел спросить ещё, но из леса донёсся низкий гул моторов.

Не самолёты. Слишком близко к земле и приближались с запада.

— Вот теперь разведка закончилась, — сказал Ракитин.

Над дорогой появилась новая строка.

КОНТУР «АРСЕНАЛ» АКТИВИРОВАН.

ПЕРВИЧНАЯ ПРИВЯЗКА ЗАВЕРШЕНА.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ГРАЧЁВ.

РАНГ: ПОДМАСТЕРЬЕ, УРОВЕНЬ 0.

Следом возникло второе окно.

ЭКСТРЕННАЯ ЗАДАЧА: ПОЛКОВОЙ СКЛАД № 4.

УСЛОВИЕ: НЕ ДОПУСТИТЬ ЗАХВАТА ВООРУЖЕНИЯ ПРОТИВНИКОМ.

ДО ПОДХОДА ОСНОВНОЙ ГРУППЫ ПРОТИВНИКА: 00:17:43.

ДОСТУПНЫЕ РЕСУРСЫ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНЫ.

ЧИСЛЕННОСТЬ ОБОРОНЯЮЩИХСЯ: 11.

ВЕРОЯТНОСТЬ УДЕРЖАНИЯ ОБЪЕКТА: 3%.

Цифра мигнула и стала двумя.

Ракитин вытер щёку грязным рукавом.

— Что у нас есть, Грачёв?

Я посмотрел на дымящийся склад, раненых у стены и единственный исправный пулемёт.

— Семнадцать минут, товарищ лейтенант.

— До чего?

Гул моторов усилился.

Я поднял ДП.
— До инвентаризации.

Глава 2. Оружие не чинят молитвой

— До какой ещё инвентаризации? — спросил Ракитин.

— До немецкой. Если ничего не сделаем, принимать склад будут они.

Лейтенант посмотрел на меня так, будто решал, считать ли это шуткой. За последние полчаса чувство юмора у него явно не улучшилось.

Низкий гул за лесом стал громче. Теперь в нём различались отдельные моторы. Не танки — те звучали бы тяжелее. Мотоциклы, грузовики, может быть, лёгкая бронемашина. В сорок первом году я не мог определить технику противника по звуку. Зато прекрасно понимал другое: всё, что ехало сюда, превосходило нас числом, боеприпасами и общим уровнем готовности к происходящему.

Перед глазами продолжал висеть таймер.

00:16:58.

— Кто старший на складе? — спросил я.

— Я, пока жив, — ответил Ракитин. — А что?

— Тогда собирайте всех у входа. Мне нужно знать, кто может стрелять, кто может ходить и сколько у нас патронов.

Он медленно убрал револьвер в кобуру.

— Грачёв, ты младший сержант. Оружейный мастер. Я понимаю, что ты неплохо отработал у дороги, но командовать здесь буду я.

— Прекрасно. Командуйте собрать всех у входа.

Ракитин шагнул ближе. Он был моложе меня прежнего лет на двадцать, но за сегодняшнее утро успел постареть сильнее. Под засохшей кровью на щеке дёргалась мышца.

— Ты после контузии страх потерял?

— Нет. Времени на него не осталось.

Я повернул ДП набок. Сошки висели криво, одна нога почти не складывалась. С такой опорой пулемёт можно было использовать разве что как очень неудобную дубину.

Ракитин проследил за моими руками.

— Сколько тебе нужно?

— Смотря на что.

— На план.

— Пять минут. И чтобы мне не мешали.

— У тебя две.

— Уже торгуемся. Значит, жить хотите.

Лейтенант выдохнул через нос, развернулся и крикнул:

— Седов! Собрать людей у склада! Раненых тоже, кто в сознании. Белкин, за ним! Живо!

Веснушчатый, лежавший рядом с Черновым, вскинулся. Значит, Белкин. Теперь у него появилось имя, и это почему-то сразу ухудшило статистику. Безымянных людей история убивает легче.

Я потащил пулемёт к складу. Чернов попытался подняться следом, опираясь здоровой рукой о сосну.

— Куда мой ДП понёс?

— На гарантийный ремонт.

— Так ты ж его уже починил.

— Ты тоже с утра был целее.

Чернов хотел возразить, но прижал локоть к боку и побледнел. Пуля прошла через мякоть плеча, кость, похоже, не задела. В моей прежней жизни подобную рану показывали в кино,

перевязывали поверх формы и дальше отправляли героя спасать мир. В этой рукав Чернова промок до манжеты, а пальцы посинели.

— Белкин! — позвал я.

Веснушчатый подбежал, всё ещё пригибаясь по привычке.

— Отведи ефрейтора к Федоту Савельевичу. Повязку сменить и ту же затянуть.

— Я сам дойду, — огрызнулся Чернов.

— Вот и покажешь Белкину как.

Он посмотрел на меня рыжими бровями. Другой мимики у него сейчас не осталось.

— Ты мне пулемёт вернёшь?

— Если будешь хорошо себя вести.

Чернов сплюнул под ноги и всё-таки позволил Белкину подхватить себя. Я занёс ДП внутрь.

Федот Савельевич уже уложил Аркадьича на плащ-палатку и перетягивал ему голень новым бинтом. У стены сидел ещё один раненый. Он дышал часто и мелко, привалившись затылком к кирпичу. Над разбитыми ящиками плавал дым.

— Опять сломал? — спросил Федот, увидев пулемёт.

— Не я. Немецкая граната.

— А немцу сказать нельзя было, что вещь казённая?

— Не успел. Он без накладной кинул.

Федот хмыкнул. Даже Аркадьич открыл глаза.

Я положил ДП на верстак. Система выделила крепление сошек красным, но нового ничего не сообщила. Погнутая обойма, сорванный штифт, трещина по краю. Править наспех — потерять ещё несколько минут и получить ту же поломку после первой длинной очереди.

Рядом лежал второй, разобранный пулемёт. Его ствольную коробку смяло балкой, зато сошки выглядели целыми.

СОВМЕСТИМОСТЬ УЗЛА: 100 %.

Удобная штука — встроенный контролёр. Не подаст ключ, не закрутит гайку, зато сообщает, что две одинаковые детали действительно одинаковые. В моё время для этого требовалось совещание, три подписи и запрос изготовителю.

— Сними с донора, — сказал я Федоту.

— Сам вижу.

Он уже взял выколотку. Мы работали с двух сторон верстака. Я снял повреждённый узел, Федот выбил крепление с разбитого ДП. Чернов вошёл как раз тогда, когда мы менялись деталями. Белкин поддерживал его под здоровое плечо.

— Хорошо лежал, — сказал Чернов, глядя на свой пулемёт. — Чего раскурочили?

— Для красоты, — ответил Федот. — Садись и не лезь под руки.

— Я стрелять могу.

— Одной рукой?

— Зубами диск придержу.

Федот поднял на него глаза.

— Ефрейтор, ещё слово — и я тебе вторую руку перевяжу. Для симметрии.

Чернов сел.

Я поставил целые сошки, затянул соединение и проверил ход. Система сменила красную отметку на жёлтую.

СОСТОЯНИЕ: БОЕСПОСОБЕН.

РАСЧЁТНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ЗАДЕРЖКИ: 3 %.

На процент хуже, чем до гранаты. Переживём. Или не переживём по другой причине.

— Готов, — сказал я.

— Мне, — сразу потребовал Чернов.

— Нет.

Он дёрнулся встать. Лицо стало серым.

— Я пулемётчик.

— А я сегодня балерина. Сиди.

— Грачёв...

— Ты нужен у второго номера. Диски проверять сможешь?

Чернов перестал подниматься.

— Смогу.

— Тогда проверишь каждый. Помятые, с тугой пружиной и песком откладывай. Мне задержка в бою не нужна.

Он провёл ладонью по круглому магазину, лежавшему рядом, и нехотя кивнул. Приказ, в котором нашлась работа, подействовал лучше уговоров.

У входа уже собирались люди. Ракитин привёл троих от дороги. Седов — коренастый красноармеец с рассечённой бровью — поддерживал хромавшего старшину. Ещё двое тащили ящик с патронами.

Я вышел наружу и впервые пересчитал всех не по системной строке.

Одиннадцать вместе со мной.

Ракитин, Федот, Аркадьич, Чернов и Белкин. Остальные пятеро: Седов, хромой старшина Климов, связист Котов с обожжённой шеей, молчаливый круглолицый Иваненко и тяжело раненный боец с пробитым боком. Винтовок девять. ДП один. Двенадцать целых дисков и четыре сомнительных. Россыпью патронов было много, но набивать ими магазины под огнём — удовольствие для очень терпеливых покойников.

— Взрывчатка? — спросил я.

— Два сапёрных заряда нашли, — ответил Ракитин. — Климов поставит у патронной клетки. Если прижмут, подорвём.

Хромой старшина качнул головой.

— Шнур короткий, товарищ лейтенант. Поджигать придётся почти у стены. А там всё уже горит, может раньше рвануть.

— Тогда не прижмут, — сказал я.

Ракитин скрестил руки.

— Время пошло, Грачёв. Где план?

Я оглядел склад, дорогу и лес.

До главного входа вела широкая колея. Слева стоял горящий навес, справа тянулась неглубокая канава. За складом начинался молодой сосняк. Оттуда можно уйти на восток, если не дожидаться, пока немцы обойдут с обеих сторон. Перед дорогой лежала разбитая телега. Чуть дальше чернела воронка, возле которой мы приняли первый бой.

Система молчала. Ни стрелок, ни подсвеченных врагов, ни заботливо нарисованной схемы обороны. Она умела разбираться в железе. Войну оставляла людям.

— Гул идёт по дороге, — сказал я. — Значит, пока они не знают, что здесь осталось. Увидят телегу, дым и разбросанные ящики — решат, что склад брошен после бомбёжки. Дадим им так решить.

Седов вытер кровь с брови тыльной стороной ладони.

— А потом?

— Подпустим ближе.

— Нас одиннадцать, — сказал Ракитин.

— Стрелять могут восемь. Ходить — семь. Если полезем навстречу, будет меньше.

Я указал на воронку у дороги.

— ДП поставим там. Не в канаве, её они уже видели. Седов и Белкин — левее, у навеса. Огонь только после пулемёта. Иваненко с Котовым — за телегой, но заранее не высовываться. Вы с Климовым держите правый край. Федот Савельевич остаётся с ранеными и патронами.

— А немцы просто возьмут и войдут куда ты велел? — спросил Климов.

— Нет. Они попробуют обойти. Для этого справа вы с лейтенантом.

— А если слева?

— Там горит навес. Подкинем ветоши, дым прижмёт к дороге.

Федот, стоявший в дверях, покачал головой.

— Ты теперь ещё и полководец?

— Нет. Поэтому план простой.

Ракитин смотрел на местность, прищурившись. Он уже не спорил из-за звания. Считал.

— Раненых в сосняк, — решил он. — Федот их не утащит.

— Белкин поможет до боя.

— Я нужен с винтовкой, — быстро сказал веснушчатый.

— Сначала нужен с ногами, — отрезал Ракитин. — Отнесёшь обоих за склад и вернёшься.

Белкин глянул на тяжелораненых. Страх у него был честный, без показухи. Он облизнул пересохшие губы и взялся за край плащ-палатки.

— Есть.

— Чернов останется у дисков, — продолжил я. — И ещё мне нужен «Максим».

Несколько человек повернули головы к разбитой позиции у дороги.

— Его прямым попаданием накрыло, — сказал Ракитин.

— Не прямым. При прямом там не осталось бы колёс.

— Расчёт убило.

— Я спрашивал про пулемёт.

Тишина стала неприятной.

Ракитин шагнул ко мне.

— Там двое наших лежат.

— Знаю.

— Тогда выбирай слова.

Я посмотрел в его покрасневшие глаза.

— Через двенадцать минут сюда войдут немцы. Если «Максим» ещё стреляет, мне он нужен. А расчёт мы заберём, когда сможем. Сейчас живые важнее того, что я правильно скажу о мёртвых.

Лейтенант сжал челюсть. Потом кивнул Климову.

— Со мной.

Они побежали к дороге. Я взял ДП, но Федот поймал меня за ремень.

— Миша.

Я обернулся.

Он смотрел не сердито. Это было хуже.

— Ты вчера отвёртку у меня спрашивал, хотя она перед носом лежала. Сегодня мёртвых считаешь, пулемёты на слух различаешь и лейтенанту указываешь. Кто ты такой?

Вопрос прозвучал тихо. Рядом Чернов перебирал диски, но я видел, что он тоже слушает.

— Человек, которого хорошо приложило балкой.

— Балка ума не добавляет.

— Обычно нет.

Федот не отпустил ремень.

Врать ему было бы легче, если бы молодой Михаил Грачёв не помнил запах махорки в мастерской и привычку старого мастера щурить левый глаз перед точным ударом молотка. От настоящей памяти остались обрывки, но в каждом Федот Савельевич находился где-то рядом.

— Не знаю, как объяснить, — сказал я. — Но немцам склад не отдам.

— Почему?

— Потому что уже знаю, чем закончится, если их сейчас не остановить.

Он всматривался в моё лицо ещё секунду, потом разжал пальцы.

— Плохое объяснение.

— Другого пока нет.

— Тогда выживи. После боя придумаешь.

От дороги крикнул Ракитин:

— Живой! Тащите сюда!

Мы с Федотом побежали к нему.

«Максим» лежал боком возле расщеплённой сосны. Одно колесо станка вывернуло, щит пробило осколками, кожух был в земле. Рядом лежали двое пулемётчиков. Одного я видел только со спины. Второй смотрел в небо открытыми глазами.

Я коснулся рукоятки.

ОБЪЕКТ РАСПОЗНАН: 7,62-ММ СТАНКОВЫЙ ПУЛЕМЁТ СИСТЕМЫ МАКСИМА.

СОСТОЯНИЕ: ОГРАНИЧЕННО БОЕСПОСОБЕН.

ПОВРЕЖДЕНИЯ: ДЕФОРМАЦИЯ СТАНКА; НЕГЕРМЕТИЧНОСТЬ КОЖУХА; ЗАГРЯЗНЕНИЕ ПОДВИЖНЫХ ЧАСТЕЙ; НАРУШЕНИЕ ПОДАЧИ ЛЕНТЫ.

СТВОЛЬНАЯ КОРОБКА: КРИТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ НЕТ.

Живой. Ненадолго, но большего и не требовалось.

— Его не починить, — сказал Климов, придерживая сломанную ось.

— На заводе починили бы. Нам надо, чтобы он один раз выстрелил.

Мы вчетвером подняли пулемёт. Повреждённый станок тянул вниз, колесо цеплялось за корни. До склада было метров сорок, а показалось — четыреста. На полпути Седов подхватил щит, Белкин, вернувшийся от раненых, вцепился в станину. Поставили «Максим» за перевёрнутой телегой.

— Воды нет, — сказал Федот, осматривая пробитый кожух.

— Ведро у входа.

— В нём песок.

— Выложи песок.

Он посмотрел на меня как на слабоумного.

— Вода вытечет.

— Поэтому нальём перед боем. Ему долго не жить.

— Хороший у тебя подход к технике.

— К людям хуже.

Федот ничего не ответил. Мы сняли крышку. Внутри было полно земли и щепы. Подающий механизм закусил вместе с лентой. Я вытащил перекошенные патроны, Федот продул паз и прошёлся ветошью по направляющим. Пальцы снова знали больше головы, а серые отметки Системы позволяли не тратить время на целые узлы.

Белкин принёс новую ленту.

— Край растрёпан, — сказал он.

— Других нет, — отрезал Климов.

— Пойдёт, — сказал я. — Только заправь ровно.

Чернов доковылял до нас, прижимая раненую руку.

— Дай посмотреть.

— Сиди у дисков.

— Диски посмотрел. Два выбросил. Один можно выправить.

Он наклонился к приёмнику «Максима», провёл пальцем по металлу и нахмурился.

— Тут пружина собачки лопнула.

Система выделила крохотную деталь красным.

Я не заметил.

Чернов заметил.

— Запасная есть? — спросил я.

— В коробке ЗИП должна быть.

— Федот Савельевич?

— Уже иду.

Он побежал к складу.

Перед глазами возникла короткая строка.

СПЕЦИАЛИСТ: ЕФРЕЙТОР АЛЕКСЕЙ ЧЕРНОВ.

ПРОФИЛЬ: ПУЛЕМЁТЧИК.

ОЦЕНКА: НЕ ЗАВЕРШЕНА.

Я смахнул надпись морганием. Не исчезла. Пришлось отвернуться от Чернова, и только тогда серые буквы растаяли.

Оценка специалистов. Ещё одна функция, о которой инструкция предпочла сообщить посреди работы. Очень по-человечески.

Федот принёс коробку. Чернов здоровой рукой выбрал пружину, сравнил со сломанной и протянул мне.

— Эта.

— Уверен?

— Нет, наугад ткнул.

— Значит, будешь жить. Характер ещё не весь вытек.

Мы поставили деталь. Я протянул ленту, проверил подачу и взвёл механизм. Затвор прошёл чисто.

СОСТОЯНИЕ: БОЕСПОСОБЕН С ОГРАНИЧЕНИЯМИ.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИЗБЕГАТЬ ДЛИТЕЛЬНОГО НЕПРЕРЫВНОГО ОГНЯ.

Рекомендация мне понравилась. Особенно своей своевременностью.

— Готов, — сказал я.

— Кто за него? — спросил Ракитин.

Чернов открыл рот.

— Федот Савельевич, — сказал я раньше.

Старый оружейник замер с ведром в руках.

— Я мастер, не пулемётчик.

— Сегодня отдел кадров не работает.

Белкин фыркнул. Федот медленно поставил ведро.

— Мои слова ворует?

— У хорошего мастера надо учиться.

Он устроился за рукоятками. Чернов сел рядом, положил здоровую руку на короб с лентой.

— Я подам, — сказал он.

Федот покосился на его белое лицо.

— Потеряешь сознание — упади назад. На меня не надо.

— Постараюсь, Савельич.

— Не старайся. Сделай.

Ракитин посмотрел на часы.

— Шесть минут.

Белкин торопливо перекрестился. Федот заметил и нахмурился.

— Оружие молитвой не чинят.

— Я не за оружие, Савельич. Я за нас.

— За нас можно. А теперь ветошь тащи.

— Белкин, ветошь в навес, — приказал я. — Котов, помоги. Только огонь не раздувайте раньше времени. Седов, разбросайте у дороги пару пустых ящиков. Винтовки спрятать. Следов поменьше.

Люди разошлись.

Ракитин остался.

— План твой, — сказал он. — Но команду открыть огонь даю я.

— Согласен.

— Если увижу, что обходят сзади, подрываем склад и уходим.

— Согласен.

— Если ранят тебя, пулемёт отдашь Белкину.

— Он не умеет.

— Научится быстро.

Я посмотрел на лейтенанта. Он не улыбнулся.

— Согласен, — сказал я.

Гул моторов на секунду стих.

Потом снова появился — уже совсем близко.

00:04:11.

* * *

Ожидание заняло дольше самого боя.

Я лежал в воронке, прижав щеку к прикладу ДП. Земля под локтями была тёплой и пахла гарью. Справа за телегой прятались Иваненко с Котовым. Их не было видно, и это хорошо. Слева дым от навеса стелился поперёк дороги. В нём иногда мелькала бледная физиономия Белкина. Каждый раз я хотел пригнуть его ниже рукой, но расстояние не позволяло.

Таймер дошёл до нуля и исчез.

Ничего не произошло.

Пять секунд. Десять.

Система не ошиблась. Она просто считала подход основной группы до какой-то известной только ей точки. Возможно, до поворота. Возможно, до зоны, где нас уже можно было считать покойниками.

Первым показался мотоцикл с коляской.

Он выехал из-за сосен медленно. Пулемётчик в коляске держал оружие направленным вперёд, водитель вертел головой. Второй мотоцикл остановился дальше. За ним тянулся грузовик с крытым кузовом.

Не бронемашина. Уже подарок.

Передний мотоцикл объехал поваленную ветку и приблизился к разбросанным ящикам. Водитель поднял кулак. Грузовик остановился. Из кузова начали спрыгивать солдаты.

Я насчитал двенадцать. Потом ещё четверых. С мотоциклами — двадцать. Те самые, которых Ракитин видел у дороги, могли вернуться с транспортом и добавкой. А могли быть другими. Германия сегодня выставила против нас достаточно людей, чтобы не знакомить каждого лично.

Один немец подошёл к ящику, перевернул его сапогом. Пустой.

Он крикнул что-то своим.

Я не знал немецкого настолько, чтобы понять слова. Интонация переводилась без словаря: здесь никого нет.

Пулемётчик в коляске продолжал смотреть на склад.

Ракитин лежал справа, за корнями сосны. Я видел только его ладонь. Пять пальцев прижались к земле.

Не стрелять.

Немцы разошлись. Двое пошли к навесу, трое — вдоль канавы. Остальные остались у грузовика. Офицер или унтер в короткой куртке махнул рукой в сторону склада.

Человек восемь двинулись прямо на нас.

Палец вспотел на спуске. Я убрал его, вытер о дерево приклада и вернул на место. ДП был исправен. Система обещала три процента задержки, но не уточнила, на каком именно патроне выпадет неудача.

До немцев оставалось метров семьдесят.

Пятьдесят.

Один из тех, кто шёл к навесу, заметил следы. Наклонился. Белкин лежал от него шагах в двадцати.

Ладонь Ракитина сжалась в кулак.

Ждать.

Немец поднялся и повернул голову к дыму.

Где-то справа щёлкнул предохранитель винтовки.

Слишком громко.

Пулемётчик в коляске дёрнул ствол в нашу сторону.

Кулак Ракитина разжался.

— Огонь!

«Максим» начал первым.

Старая машина загрохотала за телегой, и первая очередь прошла вдоль дороги. Пулемётчик в коляске откинулся. Водитель мотоцикла попытался развернуться, зацепил ящик и опрокинул машину набок.

Я нажал спуск.

ДП толкнул в плечо. Первая короткая очередь ударила по солдатам у кузова. Они падали и ныряли под грузовик. Вторая прошла борт. Деревянные щепки полетели вместе с ключьями брезента.

Слева затрещали винтовки. Белкин стрелял часто, почти не целясь. Седов что-то крикнул ему и ударил по плечу, заставляя лечь ниже.

Немцы ответили сразу.

Пули застучали по щиту «Максима», раскололи край телеги. Федот не прекращал огонь. Чернов тянул ленту здоровой рукой, помогая ей идти ровно. Вода била из кожуха тонкой струёй и темнела на пыльной земле.

— Короткими! — крикнул я.

Федот меня не услышал или решил, что советы лучше давать себе самому. «Максим» замолчал только через несколько секунд. Очень длинных секунд.

Грузовик ожил. Водитель пытался сдать назад, но опрокинутый мотоцикл перегородил дорогу. Мотор взревел. Задние колёса забуксовали в песке.

Я перенёс огонь на кабину. Стекло побелело и осыпалось. Водитель исчез под приборной доской.

Слева вскрикнул Белкин.

Я повернул голову. Он лежал, прижав ладонь к лицу. Между пальцев текла кровь.

— Ранен? — крикнул Седов.

— Царапина!

Белкин убрал руку. Осколок коры рассёк щёку. Глаз был цел.

— Тогда стреляй, царапина!

Седов поднялся на колено, выстрелил и тут же дёрнулся назад. На гимнастёрке под ключицей появилось маленькое тёмное пятно. Он посмотрел на него с удивлением, будто кто-то без спроса прожёл папиросой форму.

— Седов!

Белкин пополз к нему.

— Лежать! — заорал Ракитин. — Не лезь!

Седов попытался что-то сказать, но изо рта пошла кровь. Он завалился на бок.

Немцы у грузовика поняли, откуда работает ДП. Земля вокруг воронки вскипела. Я вжался в склон, закрывая голову локтем. Пули с сухим треском прошли над спиной.

Когда стрельба сместилась к «Максиму», я снова поднялся.

Перед воронкой возникла серая фигура.

Слишком близко.

Немец успел увидеть меня. Молодой, светловолосый, в каске набекрень. Он поднял карабин. Я нажал на спуск.

ДП выстрелил один раз и замолчал.

Три процента.

Затвор не дошёл вперёд.

Немец дёрнулся от одиночного попадания, но устоял. Карабин продолжал подниматься.

Я ударил по рукояти перезарядки. Не помогло.

Слева выстрелила винтовка. Немца развернуло и бросило в воронку рядом со мной.

Белкин передёрнул затвор.

— Должен будешь! — крикнул он.

— Запиши!

Я сорвал диск. Патрон перекосило на входе. Край гильзы блестел свежей царапиной. Магазин, а не пулемёт. Чернов пропустил дефект или диск ударило, пока я полз.

Система подсветила замятый участок магазина.

Очень полезно. Особенно когда задержку уже устранил бы убитый немец.

Я выбросил диск, поставил новый и дёрнул рукоять. Затвор закрылся.

Справа загрохотали гранаты. Ракитин с Климовым остановили обходившую группу. Между деревьями поднялся чёрный дым. Кто-то закричал по-немецки.

«Максим» снова заработал — коротко, зло. Федот всё-таки услышал.

Я дал очередь по краю дороги. Двое немцев прижались за колёсами грузовика. Один полез под кузов. Второй бросил гранату.

Она ударилась о телегу и осталась рядом с «Максимом».

Чернов увидел первым.

— Савельич!

Федот замер за рукоятками.

Чернов схватил его за гимнастёрку и рванул назад. Одной рукой. Оба опрокинулись за колесо.

Взрыв поднял телегу, как крышку ящика.

Щит «Максима» выгнуло. Короб с лентой исчез в дыму. Чернова отбросило на спину. Федот лежал поперёк его ног.

Пулемёт замолчал.

Серая строка вспыхнула перед глазами сама.

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ ВЫВЕДЕН ИЗ СТРОЯ.

Ярость пришла неожиданно.

Не из-за очков, которых мне никто ещё не обещал. Даже не из-за пулемёта. За телегой не двигались два человека, которые десять минут назад ругались над лопнувшей пружиной. И Система сообщила об этом так, будто закрыла карточку ремонта.

Я дал длинную очередь по грузовику.

Ствол повело вверх. Пули выбили щепу из борта, прошли по колёсам, заставили немцев снова залечь. Диск опустел.

— Грачёв! — крикнул Ракитин. — Справа ещё трое!

Я сменил магазин.

В сосняке мелькнули каски. Климов лежал у дерева лицом вниз. Ракитин отстреливался один, прижавшись к корням. Немцы обходили его шире, к задней стене склада.

Если они войдут сзади, взрывчатка Климова достанется им вместе с нами.

— Иваненко! Котов! — крикнул я. — К лейтенанту!

За телегой никто не ответил.

Котов сидел, уронив винтовку между колен. На обожжённой шее появилась новая рана. Иваненко лежал рядом, прижимая ладони к животу.

Восемь стреляющих превратились в четверых. Быстро и безо всякой красивой арифметики.

Белкин продолжал бить со стороны навеса. Ракитин держал правый фланг. Я — дорогу. За телегой, в дыму, шевельнулся Федот.

Живой.

Он приподнялся, вытащил из-под себя Чернова и потащил его за колесо.

Я выстрелил поверх них. Немец у грузовика упал. Остальные ответили. Одна пуля ударила в край воронки и засыпала мне глаза песком.

— Михаил! — крикнул Федот. — Чернов дышит!

Значит, двое.

Над складом с треском провалилась часть крыши. Огонь добрался до стропил. Изнутри донёсся частый хлопок — начали рваться патроны из разбитых ящиков.

Ракитин появился справа. Ползком добрался до воронки и свалился рядом.

— Они за складом. Двое или трое. Климова убило.

— Заряды?

— У задней стены.

— Кто подожжёт?

Он показал короткий шнур, зажатый в кулаке.

— Я.

— Не добежите.

— А ты предложишь лучше?

Я посмотрел на грузовик. Машина стояла поперёк дороги, кабина была разбита, но кузов закрывал немцев от нашего огня. За ним лежал перевёрнутый мотоцикл. Второй уцелел и находился дальше, у поворота. Если противник заведёт его и уйдёт за подкреплением, через десять минут здесь появится новая группа.

Слева горел навес. Справа — склад. Между ними тянуло дымом ровно к дороге.

Нам не надо было победить. Надо было не отдать оружие.

— Отходим за склад, — сказал я.

Ракитин схватил меня за плечо.

— Они войдут.

— Именно.

— Там заряды.

— Именно.

Он понял.

— А если не войдут?

— Тогда подожжёте сами.

— Ты?

— Прикрою.

Ракитин выругался.

— Какого чёрта ты всё время оставляешь себе лучшую работу?

— У меня образование подходящее.

Я высунул ДП и выпустил остаток диска в сторону грузовика. Не пытаюсь попасть — заставить прижаться. Ракитин пополз к Федоту.

— Белкин! — заорал он. — К складу! Отходим!

Веснушчатый оглянулся на Седова.

— Он живой!

Седов не двигался.

— Белкин, приказ!

Тот несколько секунд смотрел на лежащего товарища. Потом вытер окровавленную щеку, схватил винтовку и побежал, согнувшись почти пополам.

Я сменил диск. Последний проверенный. Остальные лежали у телеги вместе с Черновым.

Немцы заметили отход. От грузовика ударил пулемёт. Пули прошли край воронки. Я скатился на дно и почувствовал горячую царапину на боку.

Рука сама полезла проверять. Гимнастёрка порвана, кожа содрана, крови немного.

Вторая война за утро тоже обошлась без больничного.

Я поднял ДП и дал короткую очередь. Пулемёт противника замолчал. Не знаю, попал ли я в стрелка или он просто пригнулся.

— Грачёв! — донёсся голос Федота из-за склада.

Пора.

Я бросил в воронке испорченный диск, подхватил пулемёт и побежал.

Не красивым зигзагом, не короткими перебежками. Просто бежал, потому что за спиной стреляли, а впереди оставались люди. Земля толкала подошвы. ДП бил по бедру. Одна пуля свистнула рядом, другая срезала ветку над головой.

У входа лежал Иваненко. Он ещё дышал.

Я остановился.

Это было глупо. За складом ждали остальные, если Чернов и тяжелораненый ещё были живы. Перед входом лежал один, которого я всё равно не мог унести вместе с пулемётом.

Иваненко открыл глаза.

— Брось, сержант, — выдавил он. — Мне кишки...

— Молчи.

Я перекинул ремень ДП через плечо, взял его под руки и потащил.

Пули застучали по кирпичу. Одна ударила внутри склада, и оттуда полетели щепки. Иваненко закричал. Не от новой раны — я тянул его по земле, не разбирая камней.

До угла оставалось метров десять.

Восемь.

Пять.

Белкин выскочил навстречу.

— Давай его!

Мы вместе затащили Иваненко за стену. Ракитин уже держал короткий шнур. Федот стоял рядом, поддерживая Чернова. Аркадьич сидел на плащ-палатке с винтовкой. Тяжелораненый боец лежал в сосняке.

— Все? — спросил Ракитин.

Я оглянулся.

За углом показался немец.

Я выстрелил от бедра. Пули выбили кирпич над его головой, он отшатнулся.

— Теперь все, кто может уйти.

Мы отступили глубже в сосняк. Ракитин остался у стены. Федот обернулся.

— Лейтенант!

— Идите!

Немцы кричали у входа. Кто-то дал очередь внутрь. Из склада донёсся грохот падающих ящиков.

Ракитин высек огонь, дождался, пока шнур зашипит, и побежал к нам.

Он успел сделать шагов пятнадцать.

Склад взорвался.

Не одним киношным огненным шаром. Сначала внутри тяжело ударило, будто гигантский пресс опустили на землю. Кирпичная стена выгнулась. Затем рванули патроны, посыпались отдельные хлопки и частые сухие разрывы. Крыша поднялась, развалилась на части и бросила в небо чёрный дым.

Взрывная волна настигла Ракитина и швырнула лицом в землю.

Мы попадали следом.

На спину посыпались ветки, куски дранки и земля. Где-то звенело железо. Воздух ударил в уши, и мир снова стал беззвучным.

Я поднял голову.

Ракитин лежал между соснами.

Белкин пополз к нему первым. Я — следом.

Лейтенант перевернулся сам. Лицо было в крови, но глаза смотрели осмысленно.

— Живой? — крикнул я и не услышал своего голоса.

— Чего?

— Значит, живой.

Он сел, закашлялся и посмотрел на место склада.

Там уже не было ничего, что можно принять по описи.

Немцы у дороги не стреляли.

* * *

Слух возвращался неохотно.

Сначала появился звон, потом треск пожара, затем стоны. Последними вернулись голоса — будто кто-то медленно настраивал плохо пойманную радиостанцию.

— ...перевязку сюда! Белкин, не стой столбом!

Федот Савельевич опустился рядом с Иваненко. Тот дышал всё реже. Руки больше не держали живот, лежали вдоль тела.

— Аркадьич, воду, — сказал Федот.

— Кончилась.

— Тогда просто флягу дай.

Аркадьич протянул пустую флягу. Федот смочил губы Иваненко последними каплями. Боец открыл глаза, посмотрел на него и вдруг спросил:

— Мамке кто напишет?

Федот замер.

— Я напишу.

— Ты ж почерк... как курица.

— Белкин перепишет.

Веснушчатый вскинул голову. Щека у него распухла, кровь подсохла до подбородка.

— Перепишу, — быстро сказал он. — Ты адрес скажи.

Иваненко попытался улыбнуться.

— В книжке... там есть.

Через минуту он умер.

Никакой надписи перед глазами не появилось.

Я сидел рядом, держа ДП поперёк колен. Металл обжигал ладонь. Наверное, следовало положить пулемёт на землю, но пальцы не разжимались.

Тяжелораненый в сосняке тоже не дышал. Связист Котов погиб у телеги. Климов остался справа от склада. Седов — у навеса.

Пятеро.

Из одиннадцати нас осталось шесть: Ракитин, Федот, Аркадьич, Чернов, Белкин и я.

Система дождалась, пока я закончу считать.

ЭКСТРЕННАЯ ЗАДАЧА «ПОЛКОВОЙ СКЛАД № 4» ЗАВЕРШЕНА.

УСЛОВИЕ ВЫПОЛНЕНО: ЗАХВАТ ВООРУЖЕНИЯ ПРОТИВНИКОМ НЕ ДОПУЩЕН.

БОЕСПОСОБНОЕ ВООРУЖЕНИЕ, ЗАХВАЧЕННОЕ ПРОТИВНИКОМ: 0 ЕДИНИЦ.

ВОЗВРАЩЕНО В СТРОЙ: 2 ЕДИНИЦЫ.

ПОДТВЕРЖДЁННОЕ БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ: 2 ЕДИНИЦЫ.

СОХРАНЕНО ЛИЧНОГО СОСТАВА: 6 ЧЕЛОВЕК.

Я перечитал последнюю строку.

— Неправильно, — сказал я.

Федот поднял голову.

— Что?

— Ничего.

Сохранено шесть человек. Система включила в число и меня — иначе выходило пять. Какая разница. Пятеро лежали вокруг склада, и слово «сохранено» рядом с ними выглядело бухгалтерской издёвкой.

Строки продолжились.

НАЧИСЛЕНО: 8 ЕДИНИЦ ОПЫТА КОНТУРА.

БОНУС ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВЛЕННОГО ВООРУЖЕНИЯ: +2.

ТЕКУЩИЙ РАНГ: ПОДМАСТЕРЬЕ. УРОВЕНЬ 1.

РАЗБЛОКИРОВАНА ФУНКЦИЯ: ОЦЕНКА СПЕЦИАЛИСТОВ.

ДОСТУПНА ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА.

Я мысленно согласился.

Перед глазами открылось новое окно.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА: «ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА».

УСЛОВИЕ: ВЕРНУТЬ В СТРОЙ 10 ЕДИНИЦ ВООРУЖЕНИЯ.

ЗАЧЁТ: ТОЛЬКО ФАКТИЧЕСКОЕ БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ.

ПРОГРЕСС: 2/10.

НАГРАДА: РАССЧИТЫВАЕТСЯ ПО РЕЗУЛЬТАТУ.

Очень содержательно. Особенно последняя строка. Даже после смерти мне досталось начальство, не готовое заранее назвать размер премии.

Я закрыл окно. Получилось не сразу. Надписи исчезли, когда я отвёл взгляд от оружия и сосредоточился на Ракитине.

Лейтенант стоял на коленях над картой. Вернее, над куском карты с обгоревшим краем. Климов носил её в планшете; Ракитин снял планшет с его тела, когда ходил проверить правый фланг.

— Дорога на восток здесь, — сказал он. — До второй казармы около двух километров. Дальше развилка.

Чернов сидел у дерева. Федот снова перетянул ему плечо, но кровь всё равно проступала сквозь ткань.

— Приказ был отходить ко второй казарме, — напомнил оружейник.

— Приказ был вынести исправное и отходить, — ответил Ракитин. — Исправное мы вынесли.

Он посмотрел на мой ДП.

— Одну штуку.

— Я нести могу, — сказал Аркадьич и попытался подняться.

Раненая нога подломилась. Белкин успел поймать его за локоть.

— Можете, можете, — пробормотал веснушчатый. — Только не сегодня.

Аркадьич тяжело сел обратно.

— Немцы у дороги? — спросил Федот.

Я прислушался. За пожаром ничего не было слышно. Это не означало, что противник ушёл. Скорее, решил не лезть в рвущиеся патроны и ждал, пока мы покажемся.

— Остались, — сказал Ракитин. — И скоро позовут других.

— Тогда чего сидим?

Лейтенант провёл пальцем по карте. Рука дрожала. Не от страха — после взрыва его всё ещё било мелкой дрожью.

— Во второй казарме должен быть капитан Горюнов. Он прикажет, куда дальше.

— Если казарма ещё наша, — сказал я.

Ракитин посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что там?

— Нет.

— Тогда не каркай.

Я промолчал. Рассказать ему, что через несколько дней фронт окажется далеко восточнее, а целые армии будут искать друг друга среди разбитых дорог, я всё равно не мог. Во-первых, не поверит. Во-вторых, я сам знал историю крупными мазками. Огромные стрелки на школьной карте не объясняли, где именно погибнет небольшая группа из шести человек.

Федот поднялся.

— Чернова с Аркадьичем вдвоём поведём. Белкин впереди. Миша замыкает.

— Погоди, — сказал Ракитин.

Он снова посмотрел на дорогу, потом на карту. Решение далось ему не сразу. Я видел, как внутри молодого лейтенанта спорят приказ, страх и здравый смысл. Приказ говорил ждать связь со второй казармой. Страх предлагал уходить каждому самому. Здравый смысл был менее голосистым, зато упрямым.

Ракитин сложил карту и убрал в планшет.

— Связи нет. Старшие командиры не вышли. Склад уничтожен. Оставаться здесь — положить людей без пользы.

Он говорил медленно, словно каждое слово требовалось подписать.

Белкин перестал возиться с ремнём винтовки. Федот смотрел на лейтенанта спокойно. Чернов открыл глаза.

— Ответственность беру на себя, — закончил Ракитин. — Сам выведу людей к своим. Пойдём восточнее дороги, через лес.

— А если там немцы? — спросил Белкин.

Ракитин поднял винтовку Климова и проверил затвор.

— Тогда Грачёв проведёт ещё одну инвентаризацию.

Он впервые за утро улыбнулся. Плохо, одним углом разбитых губ, но всё-таки улыбнулся.

Я встал и закинул ДП на плечо.

— На сегодня склад закрыт, товарищ лейтенант.

За дорогой снова заревел мотор.

Ракитин повернулся к востоку.

— Тогда уходим.

Глава 3. Последний мост

Мы ушли за минуту до того, как немцы снова показались у склада.

Сначала за дорогой надсадно взревел мотор. Потом хлопнула дверь, кто-то коротко крикнул по-немецки. В ответ из горящей патронной клетки донеслась россыпь выстрелов — огонь добрался до очередного ящика.

— Быстрее, — сказал Ракитин.

Будто до этого мы шли медленно из любви к прогулкам.

Федот Савельевич взял Чернова под здоровое плечо. Белкин тащил Аркадьича, почти целиком повисшего на нём. Я замыкал, согнувшись под тяжестью ДП, четырёх дисков и двух винтовок. Одну снял с Иваненко, вторую — с Котова. Бросить оружие рядом с телами не смог. Наверное, профессиональная болезнь. Оружейник подбирает железо, даже когда у самого сил хватает только на то, чтобы не упасть.

Через сотню шагов болезнь пришлось лечить.

Аркадьич зацепился раненой ногой за корень, глухо застонал и потянул Белкина на землю. Веснушчатый удержался чудом. Я подхватил старшину с другой стороны, и одна из винтовок соскользнула с плеча.

— Оставь, — бросил Ракитин.

— Исправная.

— А Аркадьич пока ещё живой.

Я посмотрел на винтовку. Приклад в грязи, затвор закрыт, ремень цел. Система послушно отозвалась:

ВИНТОВКА МОСИНА ОБР. 1891/30 ГГ.

СОСТОЯНИЕ: БОЕСПОСОБНА.

РАСЧЁТНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ЗАДЕРЖКИ: 1%.

Полезная вещь. Надёжная. И совершенно бесполезная, если из-за неё мы не дотащим раненого.

Я поднял винтовку, прислонил к толстой сосне и накрыл ветками. Не бросил — оставил на временное хранение. Самообман был дешёвый, зато работал.

— Пошли.

Аркадьич тяжело переставлял здоровую ногу. Повязка на второй быстро темнела. Чернов держался лучше, но каждые несколько шагов его начинало клонить в сторону. Федот ругался вполголоса и возвращал его на курс, как неисправную телегу.

Мы забирали восточнее дороги, туда, где сосны стояли плотнее. Под сапогами хрустела сухая хвоя. Утреннее солнце било между стволами длинными жёлтыми полосами, и лес выглядел до неприличия мирно. В другой жизни я бы сказал, что день обещает быть жарким.

В этой — жара означала запах крови, пыль и мух.

Позади затрещали ветки.

Ракитин вскинул руку. Мы замерли. Белкин опустил Аркадьича у дерева и неловко сорвал винтовку с плеча. Я лёг, развернул сошки и навёл ДП между стволами.

В просвете мелькнул человек в серой форме. За ним второй.

Далеко. Шли по нашему следу или просто проверяли лес — не понять. Один присел у папоротника, второй остался стоять. До нас было шагов двести, может, больше.

— Снимешь? — едва слышно спросил Ракитин.

— Одного. Второй позовёт остальных.

Лейтенант прикусил разбитую губу. Секунду он смотрел в сторону немцев, потом показал вперёд.

Мы поползли, стараясь не шевелить верхушки папоротника. Аркадьича пришлось волочь на плащ-палатке. Он стиснул зубы и не издал ни звука. Только пальцы у него так вцепились в край ткани, что побелели костяшки.

Немцы остались позади. Через полкилометра лес пошёл под уклон, и моторы перестали быть слышны.

Ненадолго.

У ручья мы остановились. Ракитин дал три минуты — напиться и перетянуть раненых. Федот разрезал на бинты последнюю чистую рубаху. Белкин черпал воду пилоткой и лил Аркадьичу на руки. Чернов сидел спиной к берёзе, закрыв глаза.

Я посмотрел на Федота и впервые намеренно вызвал новую функцию.

Ничего не произошло.

Потом я попробовал мысленно сформулировать точнее: оценка специалиста.

Над плечом оружейника возникло несколько строк.

СОЛОМИН ФЕДОТ САВЕЛЬЕВИЧ.

ОСНОВНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ: РЕМОНТ СТРЕЛКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ.

КВАЛИФИКАЦИЯ: ВЫСОКАЯ.

ТЕКУЩАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ: 68%.

ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ: УТОМЛЕНИЕ, УШИБЫ, ОБЕЗВОЖИВАНИЕ.

Ни характера, ни политической благонадёжности, ни любимого сорта табака. Только то, что могло пригодиться в мастерской. Система оставалась верна себе: человек для неё начинался с профессии и заканчивался процентом работоспособности.

Я перевёл взгляд на Белкина.

БЕЛКИН СЕМЁН ИЛЬИЧ.

ОСНОВНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

ПОДТВЕРЖДЁННЫЕ НАВЫКИ: СТРЕЛКОВАЯ ПОДГОТОВКА — БАЗОВАЯ.

ОБУЧАЕМОСТЬ: ВЫШЕ СРЕДНЕЙ.

ТЕКУЩАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ: 74%.

Белкин заметил мой взгляд и вытер нос рукавом.

— Чего?

— Думаю, куда тебя пристроить.

— В обоз можно. Я с лошадьми умею.

— Вот видишь. А написано — специализация не определена.

Он нахмурился.

— Где написано?

— Уже нигде.

Я закрыл строки. Не хватало ещё начать смотреть на людей как на детали в ящике. Деталь можно заменить. В сегодняшнем лесу запасных людей не было.

Ракитин развернул обгоревшую карту на колене.

— Вторая казарма за гребнем. От неё дорога идёт к мосту, — сказал он. — Если Горюнова там нет, пойдём дальше к шоссе.

Федот затянул узел на повязке Чернова и поднялся.

— Шоссе немцы любят. Там им ехать удобно.

— Нам тоже.

— Вот потому и любят.

Ракитин сложил карту.

— Пятьдесят минут назад у меня был приказ. Пока другого нет, выполняю этот.

Он сказал спокойно, но рука на планшете сжалась. Ему хотелось найти во второй казарме капитана, штаб, связь и кого-нибудь старше себя. Мне тоже. Очень удобно, когда существует человек, которому можно передать карту, раненых и ответственность.

Особенно ответственность.

— Время, — сказал лейтенант.

Мы снова подняли Аркадьича.

За гребнем послышалась стрельба.

Не бой — несколько одиночных, потом короткая пулемётная очередь. После неё заработал автомобильный гудок: два длинных сигнала, пауза, ещё один. Кто-то жал на него, не убивая руки.

— Казарма, — выдохнул Белкин.

— Уже была, — ответил я.

* * *

От второй казармы осталась печная труба.

Два длинных деревянных здания выгорели, третье ещё дымилось. На плацу лежал перевернутый грузовик. Возле него темнели тела. Мы обошли развалины с юга, не выходя из леса. Ракитин хотел проверить штабной блиндаж, но от дороги снова донеслись моторы.

На этот раз впереди.

Мы спустились в заросший овраг и увидели колонну.

Слово было слишком большим для того, что ползло по разбитой просёлочной дороге. Полуторка с перекошенным кузовом. Повозка без одной оглобли. Сорокапятка, которую тянули четверо красноармейцев. Десяток бойцов вперемешку с ранеными. Замыкала всё это хозяйство санитарка — маленькая женщина в мужской гимнастёрке, на два размера больше нужного.

Колонна не отступала. Она стояла.

Полуторка замерла перед мостом через узкую речку. Капот был поднят. Из-под него торчал человек в замасленной гимнастёрке и разговаривал с двигателем так, как обычно разговаривают с провинившимся родственником.

— Я тебя по-хорошему прошу, — донеслось до нас. — Не вынуждай применять образование.

— Какое у тебя образование, Крошин? — крикнул боец у сорокапятки.

— Три класса и курсы шофёров. Для тебя уже академик.

Ракитин шагнул на дорогу.

— Кто старший?

Винтовки повернулись в нашу сторону. Человек под капотом стукнулся затылком и выругался. Из кузова полуторки выглянул сержант с окровавленной повязкой на голове.

— Лейтенант Лозовой был, — сказал он. — У казармы остался. Я сержант Матвеев. А вы кто?

— Лейтенант Ракитин. Павел Андреевич. Полковой склад номер четыре.

Матвеев посмотрел за его спину, пересчитал нас и ничего не спросил. По нашему виду и так было ясно, сколько осталось от склада.

— Тогда вы старший, товарищ лейтенант.

Ракитин на миг прикрыл глаза. Кажется, именно этого он боялся больше всего.

— Что с машиной?

Человек у капота выпрямился. Был он лет тридцати, невысокий, крепкий, с руками, покрытыми маслом до локтей. С левого виска стекала кровь, но вытирать её он не торопился.

— Машина устала, товарищ лейтенант. Очень устала. Мы тоже, но нас за капот не почи-
нишь.

— По делу.

— Крошин Дмитрий Степанович, шофёр. Задняя рессора лопнула ещё у казармы. Дое-
хали на честном слове, а перед мостом мотор заглох. Подача топлива барахлит. Я бы сделал,
если бы вокруг не советовали.

Он покосился на троих бойцов, стоявших рядом.

— Мы не советуем, — обиделся один. — Мы ждём.

— Громко ждёте.

Я опустил ДП на землю.

— Инструмент есть?

Крошин смерил меня взглядом.

— А ты кто?

— Грачёв. Оружейный мастер.

— Тогда инструмент у тебя должен быть.

— Мой склад сгорел.

— А моя машина нет. Значит, мне пока везёт больше.

Он вытащил из-под сиденья свёрток и бросил мне. Внутри звякнули ключи, отвёртка,
плоскогубцы и ещё десяток предметов, переживших не одну хозяйственную реформу.

Федот Савельевич опустил Чернова у колеса.

— Ты в моторах понимаешь?

— В общем — да. В этом конкретном впервые ковыряюсь.

Крошин услышал.

— Очень обнадеживает.

— Не мешай, академик.

Я наклонился над двигателем.

Система некоторое время молчала, словно сама удивлялась, зачем оружейник полез в
полutorку. Потом отдельные узлы начали подсвечиваться бледным контуром.

ОБЪЕКТ НЕ ОТНОСИТСЯ К ВООРУЖЕНИЮ.

ПОЛНАЯ ДИАГНОСТИКА НЕДОСТУПНА.

**ДОСТУПНА ОЦЕНКА СОВМЕСТИМОСТИ И СОСТОЯНИЯ МЕХАНИЧЕ-
СКИХ УЗЛОВ.**

Уже неплохо.

Я попросил Крошина пустить стартер. Двигатель провернулся, кашлянул и затих. Запах
бензина был, значит, до цилиндров что-то доходило. Я проверил доступное, не пытаясь изоб-
ражать человека, который с детства перебирал ГАЗ-АА. В прошлой жизни я имел дело с куда
более сложными машинами. Правда, те обычно не ремонтировали у моста под приближаю-
щимся немецким авангардом.

— Сначала топливо, — сказал Крошин. Он уже снял трубку и нахмурился. — И грязи
полно. Бак, видно, встряхнуло.

— Чисти. Я посмотрю зажигание.

— Командовать все мастера.

— У меня должность такая.

Он фыркнул, но полез к фильтру.

Я сосредоточился на распределителе. Один контакт система отметила жёлтым, провод
— красным. Не волшебство. Обычная трещина и плохое соединение, которые Крошин нашёл
бы сам минут через десять.

У нас их могло не быть.

— Здесь, — сказал я и показал пальцем.

Крошин посмотрел, пошевелил провод и сразу перестал улыбаться.

— Откуда увидел?

— Глаза.

— Выдать бы такие всем шофёрам.

— В сорок первом дефицит.

Он поднял бровь, но переспрашивать не стал.

Пока мы работали, Ракитин выяснял обстановку. К мосту с западной стороны собрались семнадцать человек, если считать нас. Семеро раненых, из них трое лежащих. В кузове лежали пять исправных винтовок и две с разбитыми ложами, ещё восемь были на руках. Два повреждённых ручных пулемёта под брезентом годились только на запчасти. У сорокапятки осталось шесть снарядов и два человека из расчёта.

Один из них подошёл ко мне сам.

— Товарищ мастер, пушку посмотрите?

Парень был совсем молодой, худой, с обожжёнными бровями. На гимнастёрке — петлицы красноармейца, на руках свежие порезы.

— Что с ней?

— После налёта колесо повело. Механизм подъёма закусывает, гильзу после выстрела не выбрасывает. Мы один раз стрельнули у казармы и потом втроём вытаскивали.

— Сам разбирал?

— Пытался.

— И много лишнего осталось?

Парень смутился и показал горсть деталей, завёрнутых в пилотку.

— Только это.

Федот заглянул в пилотку и крикнул.

— Имя есть, конструктор?

— Круглов Николай. Из оружейной команды я. Месяц как.

— Месяц, а уже пушку разобрал. Способный.

Круглов не понял, хвалят его или собираются ударить. На всякий случай отступил на шаг. Я посмотрел на сорокапятку.

За ней дорога поднималась к лесу. Оттуда время от времени доносился далёкий рокот. Мотоциклы. Те самые или другие — разницы не было.

Перед нами лежал мост: деревянный настил на невысоких каменных опорах, метров двадцать от берега до берега. Речка под ним была узкой, но глубокой после дождей. Берега обрывистые, телегу или пушку вброд не провести. Полуторка, возможно, прошла бы по настилу. Полуторка с лежащими ранеными, ящиками патронов и прицепленной сорокапяткой — уже вопрос к судьбе, а с ней у нас отношения не сложились.

Ракитин подошёл к машине.

— Сколько времени?

Крошин высунул голову из-под капота.

— На мотор — пять минут. Может, семь.

— Рессора?

— До восточного берега дотянет. Дальше без груза. Если прицепим пушку, сложится прямо на мосту.

Матвеев, сидевший в кузове, с трудом поднялся.

— Орудие нельзя бросать, товарищ лейтенант. Там шесть снарядов. На дороге танки.

— А раненых? — спросила санитарка.

Она стояла у заднего борта, придерживая сползавшую каску. На лице засохла чужая кровь.

— Раненых тоже нельзя, — ответил Матвеев.

— Машина второго рейса не сделает, — сказал Крошин. — Даже если немцы позволят. Все посмотрели на Ракитина.

Лейтенант перевёл взгляд с кузова на пушку, потом на мост. Ему снова предлагали выбрать, кто и что заслуживает места в будущем. Утром он командовал взводом охраны. К полудню пришлось распоряжаться жизнями людей, фамилии которых он услышал минуту назад.

— Грачёв, — сказал он. — Пушку можно привести в порядок?

Я коснулся лафета.

Красные метки рассыпались по механизму.

45-ММ ПРОТИВОТАНКОВАЯ ПУШКА ОБР. 1937 Г.

СОСТОЯНИЕ: ОГРАНИЧЕННО БОЕСПОСОБНА.

КРИТИЧЕСКИЕ НЕИСПРАВНОСТИ: ДЕФОРМАЦИЯ ХОДОВОЙ ЧАСТИ; НАРУШЕНИЕ РАБОТЫ ЭКСТРАКТОРА; ПОВРЕЖДЕНИЕ ПОДЪЁМНОГО МЕХАНИЗМА.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЛНОЙ БОЕСПОСОБНОСТИ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ: НЕДОСТУПНО.

ВОЗМОЖНО ВРЕМЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОГНЕВОЙ ФУНКЦИИ.

РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ: 00:18:00.

Восемнадцать минут. Немецкие моторы за лесом звучали уже отчётливо.

— Стрелять будет, — сказал я. — Везти — нет.

— Тогда цепляем и тащим, — упрямо произнёс Матвеев.

Крошин вытер руки о штаны.

— Тогда никуда не тащим. Рессора не спросит, что Родине нужнее.

Матвеев шагнул к нему, но в кузове кто-то застонал. Сержант остановился.

Ракитин посмотрел на меня.

Я знал, чего он хочет. Чтобы оружейный мастер сказал: пушка важнее. Тогда решение станет техническим, почти безличным. Железо не виновато, приказ не виноват, лейтенант тоже.

Перед глазами висело задание.

«ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА». ПРОГРЕСС: 2/10.

Верни оружие в строй. Добейся боевого применения. Получи награду.

В кузове полуторки хрипло дышал Аркадьич. Санитарка уже уложила его рядом с незнакомым бойцом, у которого из-под бинта на животе проступало большое тёмное пятно. Чернов сидел у борта и делал вид, что сам забрался туда только отдохнуть.

Сорокапятка была оружием. Хорошим, нужным, дефицитным.

Люди запчастями не числились.

— Раненых через мост, — сказал я. — Пушку оставляем здесь.

Матвеев побледнел под засохшей кровью.

— Товарищ лейтенант...

— Я спросил Грачёва, можно ли её починить, — медленно сказал Ракитин. — Он ответил.

— Он ответил не на то.

— На то, — вмешался Федот.

Оружейник стоял возле сорокапятки и проводил ладонью по щиту. В голосе у него не было радости.

— Пушка без расчёта сама дальше не пойдёт. А люди, глядишь, ещё пойдут.

Матвеев опустил глаза.

Ракитин расправил плечи.

— Раненых и патроны — в машину. Винтовки оставить по одной на способного стрелять. Лишнее выгрузить. Повозку разобрать, доски на мост. Крошин заканчивает мотор. Грачёв с Соломиным готовят пушку к одному бою. Остальные переносят людей. Через десять минут начинаем переправу.

— Ты сказал, пушке нужно восемнадцать, — тихо напомнил Федот.

Я развернул свёрток с инструментом.

— Значит, начальство уже сократило срок.

— Вот теперь узнаю Красную армию.

* * *

Полуторка завелась на девятой минуте.

Крошин вылез из-под капота и захлопнул его обеими руками. Мотор трясся, кашлял, но работал.

— Доедет, — объявил шофёр. — Если никто не будет дышать слишком тяжело.

— Раненым передай, — сказал я.

— Сам передавай. Ты у нас мастер плохих новостей.

Мы с Федотом лежали под казённой частью пушки. Круглов подавал инструмент и старался не дышать вообще. Лишние детали из его пилотки постепенно возвращались на места. Две оказались не от пушки — одна шайба и короткий винт.

— Откуда это? — спросил Федот.

Круглов покраснел.

— На земле рядом лежало.

— Хорошее правило, Коля. Всё, что лежит возле орудия, обязательно от орудия. Лошадиный навоз тоже собирай, пригодится.

Парень прикусил губу. Я забрал у него пилотку.

— Не слушай. Собирай всё. Выбрасывать будем после проверки.

Федот покосился на меня.

— Распустишь ученика.

— Сначала надо, чтобы он дожил до экзамена.

Круглов посмотрел на нас обоих и вдруг улыбнулся. Ненадолго.

Система показывала повреждённые места, но руки за нас не работали. Погнутый элемент подъёмного механизма удалось вывести из зацепления; наводить по высоте теперь приходилось грубо, всем стволом. С экстрактором было хуже. После выстрела расчёту предстояло вручную освободить казённый, если останется время на второй.

Времени не обещали.

— Один выстрел точно, — сказал Федот.

— Нам нужен один точный.

Круглов выглянул из-за щита.

— По чему?

Из леса на западной дороге донёсся треск мотоциклетного двигателя.

— Скоро покажут.

Ракитин распределял людей. Двоих отправил на восточный берег наблюдать за дорогой. Белкина посадил у въезда на мост с винтовкой. Матвеев, несмотря на рану, помогал грузить. Из кузова выгружали ящики со стрелковыми патронами — не все, только те, без которых машина становилась легче. Каждый ящик двое бойцов относили к каменной опоре у западного въезда и укладывали за придорожной канавой.

Пять исправных винтовок из кузова разобрали между теми, кто ещё мог держать оружие. Две, с разбитыми ложами, остались рядом с ящиками. Повозку столкнули на обочину. Её досками укрепили продавленные места настила.

Я видел всё это краем глаза и считал.

Пушка — одна. Два повреждённых пулемёта. Две винтовки. Ящики с патронами. Всё казённое, всё нужное, всё останется на западном берегу, если мы уйдём.

В моей прежней жизни за потерю имущества собирали комиссию. Комиссия изучала бумаги, находила крайнего и объясняла ему, что каждая гайка имеет цену. В сорок первом цена тоже была. Только у ящика патронов она измерялась не рублями, а тем, сколько человек потом окажется без патронов.

У раненого в кузове цена измерялась дыханием.

Он дышал всё реже.

— Готово, — сказал Федот.

Я закрыл казённый.

СОСТОЯНИЕ: ОГРАНИЧЕННО БОЕСПОСОБНА.

ОГНЕВАЯ ФУНКЦИЯ: ВОССТАНОВЛЕНА.

РАСЧЁТНЫЙ РЕСУРС ДО КРИТИЧЕСКОЙ ЗАДЕРЖКИ: 1–3 ВЫСТРЕЛА.

ЗАЧЁТ ЗАДАНИЯ: ОЖИДАЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЁННОЕ БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ.

Система не спрашивала, собираюсь ли я сохранить пушку. Ей требовался выстрел.

— Круглов, за наводчика сядешь? — спросил я.

Улыбка с его лица исчезла.

— Я заряжающим был.

— Значит, видел, как работают.

— Видел.

— Этого мало, но другого нет.

Федот выбрался из-под щита и отряхнул гимнастёрку.

— Я к казённику. Миша, будешь править ствол. Коля целится.

— А вы стреляли из неё? — спросил Круглов.

— Нет, — ответил Федот. — Но очень осуждаю поломки. Может, испугается.

Круглов нервно сглотнул и сел к прицелу.

Ракитин подошёл к нам.

— Машина идёт первой. Потом пешие. Вы отходите последними. Если немцев будет много — не геройствовать.

— Пушку на руках через мост? — спросил я.

— Нет.

Слово далось ему тяжело.

— Задержите и бросайте. Это приказ.

Федот посмотрел на лейтенанта, потом на орудие.

— А мост?

— Если успеем, сделаем непроезжим. Без фокусов. Уложим пушку поперёк настила, подрежем настил у восточного края. Мотоцикл не пройдёт, машину задержит.

— Пушка тяжёлая, — сказал Круглов.

— Поэтому толкать будем все, кто останется.

С западной стороны донёсся одиночный выстрел.

Наблюдатель выскочил из леса, пригибаясь.

— Мотоциклы! Три, товарищ лейтенант! За ними грузовик!

Ракитин посмотрел на мост.

Полуторка ещё стояла перед настилом.

— Начали! — крикнул он.

Крошин запрыгнул в кабину и вдавил педаль. Полупортка вздрогнула, будто её разбудили ударом, выплюнула сизый дым и поползла на мост.

Доски под передними колёсами прогнулись.

— Не стойте! — заорал шофёр в открытое окно. — Она от ваших взглядов тяжелее становится!

Матвеев и санитарка шли по обе стороны кузова, придерживая лежачих. Чернов остался внутри с Аркадьичем. Я увидел его бледное лицо над бортом. Он держал винтовку здоровой рукой.

— Миша! — крикнул Федот.

Я пригнулся за щитом.

Первый мотоцикл вылетел из-за поворота, накренился и едва не ушёл в канаву. В коляске сидел пулемётчик. За ним показался второй, потом третий. Грузовик пока скрывался за деревьями.

Немцы увидели мост и нашу полупортку одновременно.

Пулемёт в коляске дёрнулся.

— Ложись! — крикнул Ракитин.

Очередь прошла над пушечным щитом. За спиной треснула доска, кто-то вскрикнул. Белкин ответил из-за каменной опоры. Выстрелил торопливо, промазал, передёрнул затвор и прижался к земле.

Я разложил сошки ДП на насыпи.

— Круглов, не торопись. Машину пропусти ближе.

— Которую?

— Большую. Мотоциклы я беру.

Он кивнул так резко, что ударился каской о прицел.

Первый немец развернул мотоцикл поперёк дороги. Пулемётчик снова поймал нас в прицел. Я нажал на спуск раньше.

ДП толкнулся в плечо. Пыль побежала по дороге за мотоциклом. Водитель бросил машину и нырнул в канаву, пулемётчик остался лежать на коляске. Второй мотоцикл затормозил сзади, третий свернул к лесу.

Я отпустил спуск.

— Не высовываться! — закричал Ракитин бойцам у моста. — Машину пропустить! Пешим готовиться!

Полупортка дошла до середины. Под левым задним колесом хрустнула доска.

Кузов накренился.

Санитарка отскочила, Матвеев ухватился за борт. Изнутри посыпались вещмешки. Двигатель взревел, но колесо провалилось глубже.

— Не газуй! — заорал я.

— Сам знаю! — донеслось от Крошина.

Он убрал обороты. Мотор перешёл на неровный кашель.

Пешие бросились к машине. Ракитин схватил длинную доску, двое бойцов легли на настил и подсунули её под колесо. Санитарка забралась в кузов, закрывая собой раненых от пуль.

Немцы в канаве открыли огонь. Пуля ударила в пушечный щит перед моим лицом. Металл коротко звякнул, в щёку впилось что-то горячее.

— Грачёв! — крикнул Федот.

Я снова дал очередь по канаве. Не чтобы попасть — чтобы головы не поднимали. Диск быстро пустел. Чернов утром предупреждал: ДП не любит длинных очередей. Я тоже не любил, когда в меня стреляют. Пришлось искать компромисс.

— Есть! — донеслось с моста.

Полуторка дёрнулась. Люди толкнули её в борт. Колесо поднялось на доску, провернулось, соскользнуло, снова поймало край.

— Давай! — крикнул Матвеев.

Крошин добавил газ. Машина медленно выкарабкалась из пролома и поползла дальше. Треснувшая рессора жалобно скрипела даже сквозь стрельбу.

Из-за поворота показался немецкий грузовик.

Он шёл быстрее мотоциклов. В кузове сидели солдаты. Кабину прикрывал низкий стальной лист, над ней торчала ручка пулемёта.

— Цель прямо! — сказал я.

Круглов прильнул к прицелу.

— Не берёт ниже!

Подъёмный механизм снова закусил. Я ударил плечом в станину, Федот налёг с другой стороны. Ствол опустился на несколько градусов.

— Так?

— Ещё!

— Больше не даст.

Грузовик приближался. Немцы в кузове спрыгивали прямо на ходу. Один покатился по дороге, остальные разбежались к обочинам.

Круглов дышал ртом. Руки у него дрожали.

— Коля, — сказал Федот. — Колёса видишь?

— Вижу.

— Между ними и держи. Не ищи красивое место.

Парень выдохнул и замер.

— Готово.

Федот вложил снаряд и захлопнул затвор.

— Огонь.

Сорокапятка ударила.

Звук прошёл сквозь меня, как железная дверь. Пушка прыгнула назад, повреждённое колесо подвернулось. В лицо пахнуло порохом. На дороге впереди немецкий грузовик окутало пылью. Он ещё двигался, потом резко вильнул и уткнулся передними колёсами в канаву. Из-под капота повалил густой пар.

— Попал, — удивлённо сказал Круглов.

— Не привыкай, — ответил Федот и рванул рукоять.

Затвор не открылся.

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВЛЕННОГО ВООРУЖЕНИЯ ПОДТВЕРЖДЕНО.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА «ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА». ПРОГРЕСС: 3/10.

Система зачла пушку ещё до того, как осел пар. Ей было всё равно, что теперь придётся её бросить.

— Второй! — крикнул Круглов.

— Не будет второго, — сказал я. — Отходим.

Он посмотрел на оставшиеся снаряды.

— Но мы можем выбить гильзу.

— Можем. Минуты за три.

Немецкая пуля стукнула в щит, подтверждая расчёт времени.

— Толкаем пушку на мост! — приказал Ракитин.

Полуторка уже сползала с восточного края. Крошин остановил её за опорой. Из кабины выскочили двое бойцов и побежали обратно. За ними, хромая и держась за борт, двинулся Чернов.

— Тебе куда? — рявкнул Федот.

— Диски нести.

— Я принесу.

— Ты пушку толкай, старый.

Федот открыл рот, но Чернов уже подобрал мой запасной диск и лёг у восточного въезда.левой рукой он стрелять не мог, зато мог менять магазины. Упрямство иногда заменяет половину конечностей. Ненадолго.

Ракитин поднял бойцов.

— Первая группа — через мост! Не толпиться! Раненого в середину!

Матвеев повёл пеших. Они бежали, пригнувшись, поддерживая бойца с простреленной ногой. Белкин остался у опоры и стрелял реже, чем раньше. Второй выстрел попал в немецкого солдата у разбитого мотоцикла. Веснушчатый замер, глядя туда.

— Семён! — крикнул я. — Затвор!

Он вздрогнул, передёрнул его и снова прицелился.

Немцы начали обходить дорогу слева. Между деревьями мелькали серые фигуры. ДП удержал бы их, пока хватало патронов.

Я снял почти пустой диск.

Чернов подполз и протянул новый.

— Проверенный, — сказал он.

— Сколько осталось?

— Два у меня. Один у тебя.

— Негусто.

— Ты стреляй точнее.

— Очень полезный совет.

Я поставил диск. Федот, Круглов и двое бойцов взяли за станину сорокапятки. Повреждённое колесо не катилось, оставляя в земле глубокую борозду.

— Вместе! — крикнул Федот. — Раз... два!

Пушка сдвинулась.

Я дал очередь по лесу. Один немец упал, остальные залегли. В ответ пули вспороли землю вокруг. Ракитин стрелял рядом со мной, с колена. После каждого выстрела дёргал затвор так, будто тот был виноват в войне.

— Последние пошли! — крикнули с моста.

Матвеев перебрался на восточный берег. Белкин отступал следом, пятась и не отрывая винтовки от плеча.

— Грачёв! — позвал Ракитин.

Мы откатились к пушке. Сорокапятка уже стояла перед настилом. Ствол смотрел назад, на западную дорогу, но выстрелить больше не мог. Федот бросил на меня быстрый взгляд.

— Жалко.

— Толкай.

— Всё равно жалко.

Мы навалились на станину. Колёса загрохотали по доскам. Пушка шла медленно, слишком медленно. Немцы снова поднялись у дороги.

Ракитин развернулся и выстрелил. Федот отпустил станину, вскинул винтовку. Круглов продолжал толкать один, весь побелев от усилия.

— Не стойте! — прохрипел он.

Я подхватил колесо. Повреждённая ступица обжигала ладонь. Втроём мы протащили пушку ещё на пять метров. Дальше настил провалился под погнутым колесом. Станину повело, щит ударился о перила.

— Хватит! — приказал Ракитин. — Станины развести!

Мы развернули орудие поперёк моста. Один станок упёрся в перила, второй лёг на пролом. Получилось не укрепление, а тяжёлая железная пробка. Мотоцикл через неё не пройдёт. Грузовик тоже. Пехоту она не остановит, только заставит лезть по одному.

Матвеев с восточного берега поддел ломом край повреждённого настила. Ему помог Крошин. Доски просели и легли под углом. Мост всё ещё можно было перейти пешком, но разогнаться по нему — уже нет.

— Все назад! — крикнул Ракитин.

Круглов не двигался. Он стоял у сорокапятки и держался за щит.

— Коля!

— Там прицел, — сказал он. — Его снять можно.

— Нельзя.

— Быстро!

Первая немецкая пуля ударила в щит. Вторая с визгом ушла от перил.

Я схватил Круглова за воротник и потащил.

— Потом новый получишь.

— Где?

— В тылу.

— А тыл где?

Хороший вопрос. Я не стал отвечать.

Мы перебежали оставшуюся часть моста. Ракитин шёл последним. На середине он обернулся, снял с ремня последнюю гранату и на секунду задержал руку.

— Не достанешь, — сказал я.

До немцев было слишком далеко. Граната пропала бы без пользы.

Лейтенант спрятал её обратно и побегал. Способность не делать красивых глупостей была для командира полезнее меткой руки.

На восточном берегу Чернов сунул мне диск.

— Последний полный.

— А твой?

Он хлопнул по подсумку.

— Половина.

Я лёг за каменной опорой. Немцы добрались до въезда. Один попытался перелезть через станину. Я дал короткую очередь. Он упал между щитом и перилами. Остальные отхлынули.

— В машину! — крикнул Ракитин.

— Все не влезут, — ответил Крошин.

— Тогда раненые едут. Остальные за ней.

— Она быстро не поедет.

— Нам и не надо. От мотоциклов оторвались.

Западнее моста вспыхнули ящики. Не взорвались сразу — сначала загорелась разбросанная упаковка, потом начали рваться отдельные патроны. Немцы прижались к земле. Оставленные боеприпасы теперь работали на нас последний раз: не убивали, но задерживали.

Крошин завёл полуторку. Матвеев помог санитарке забраться в кузов и сам остался на дороге.

— Места нет, — сказал он Ракитину. — Я пешком.

— Голова?

— Не моя сильная часть.

Он поправил пропитавшуюся кровью повязку и взял винтовку.

Машина тронулась. Мы пошли за ней, сначала пригибаясь, потом почти бегом. За спиной стреляли, но мост и поворот закрывали нас. Одна пуля прошла сквозь задний борт. Чернов ответил из кузова, едва не свалился и был втащен санитаркой обратно.

— Лежать! — закричала она. — Всех перестреляют, а мне собирай!

— Я ефрейтор, — донеслось из кузова.

— Там будешь хоть генералом. Лежать!

Крошин не разогнался. Полуторка ковыляла по дороге, припадая на левый бок. Каждый ухаб мог стать последним. Но мотор держался.

Мост скрылся за деревьями.

Стрельба стала тише.

Только тогда перед глазами появились строки.

ТАКТИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД ЗАВЕРШЁН.

ВОССТАНОВЛЕНО ВООРУЖЕНИЯ: 1 ЕДИНИЦА.

ПОДТВЕРЖДЁННОЕ БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ: 1 ЕДИНИЦА.

ОСТАВЛЕНО НА ПОЗИЦИИ ВООРУЖЕНИЯ, НЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО ЭВАКУАЦИИ: 5 ЕДИНИЦ.

СОХРАНЕНО ЛИЧНОГО СОСТАВА: 17 ЧЕЛОВЕК.

Я невольно пересчитал идущих. Все были здесь. Даже наблюдатель, первым сообщивший о немцах, хромал рядом с Матвеевым — пуля задела икру, но санитарка успела перетянуть ногу.

Система продолжила:

ОЦЕНКА РЕШЕНИЯ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ БАЛАНС.

ПРИОРИТЕТ: СОХРАНЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА.

НАЧИСЛЕНО: 3 ЕДИНИЦЫ ОПЫТА КОНТУРА.

Ни поздравления, ни медали. Холодная арифметика. Пять единиц оружия против семнадцати человек. Сегодня люди оказались дороже.

Я закрыл окно.

Федот шёл рядом и всё время оглядывался назад.

— Прицел хороший был, — сказал он наконец.

— Был.

— И ствол почти новый.

— Зато Круглов тоже почти новый.

Парень тащился впереди, положив руку на борт машины. Услышал, обернулся, но ничего не сказал.

Федот помолчал.

— Людей довезти мало, Миша. Им завтра стрелять надо будет.

— Поэтому винтовки мы раздали.

— А послезавтра?

— Послезавтра найдём мастерскую.

Он посмотрел на меня исподлюбья.

— Ты всё время говоришь «найдем», будто знаешь, где искать.

— Не знаю.

— Тогда чего обещаешь?

Я поправил пулемёт на плече. После стрельбы он казался вдвое тяжелее.

— Чтобы Круглов шёл быстрее.

Федот хмыкнул, но больше не оглядывался.

* * *

Через три километра у полуторки окончательно села рессора.

Машина не развалилась — просто опустилась левым боком и отказалась ехать дальше. Крошин вылез из кабины, посмотрел под кузов и снял кепку.

— Всё, — сказал он. — Академия закрыта.

Ракитин вытер пот со лба.

— Починишь?

— Починю. Нужна новая рессора, мастерская и час тишины. Лучше два.

— Ничего из этого нет.

— Тогда не починю. Вы же просили по делу.

Дорога шла между болотистым лугом и густым ельником. До шоссе, по карте Ракитина, оставалось меньше двух километров. Если там держались наши, можно было привести помощь и забрать раненых. Если немцы — полуторка превращалась в неподвижную мишень.

Лейтенант отправил Белкина и Круглова вперёд.

— До шоссе и обратно. Не стрелять. Увидите наших — назовёте часть. Увидите немцев — считать технику не геройствуя.

Белкин проверил затвор.

— А если они увидят нас?

— Тогда считайте быстро.

Круглов посмотрел на меня.

— Я с ним?

— Ты обучаемость выше средней, — сказал я. — Разберёшься.

— Чего?

— Иди уже.

Они исчезли в ельнике.

Мы сняли с машины тех, кто мог сидеть, и перенесли лежащих под деревья. Санитарку звали Зинаидой Павловной, фамилию она произнесла так быстро, что я не расслышал. Она не стала повторять. Сразу занялась Аркадьичем.

Чернов выбрался сам, сделал два шага и сел.

— Я предупреждала, — сказала Зинаида Павловна, не поднимая головы.

— Когда?

— Заранее.

Матвеев лёг у дороги с винтовкой. Ракитин развернул карту на капоте. Федот собирал уцелевшие инструменты Крошина — тот бросил свёрток открытым и теперь ползал под задним мостом, всё-таки пытаясь договориться с рессорой.

Я сел рядом с ДП и прислушался.

Стрельбы у моста не было слышно. Зато с востока шёл другой гул. Ровный, тяжёлый, непрерывный. Не несколько мотоциклов и не один грузовик.

Колонна.

— Наши? — спросил Матвеев.

Никто не ответил.

Минут через двадцать вернулся Круглов. Один.

Он выскочил из ельника, споткнулся о корень и упал на колени. Ракитин подбежал к нему.

— Где Белкин?

— Наблюдает. Сказал мне сразу назад. Там...

Круглов хватал воздух. Я протянул ему флягу. Он сделал глоток, закашлялся и выпалил:

— Немцы на шоссе. Машины, мотоциклы, пушки. Много. Идут с юга на север.
Ракитин медленно повернулся к карте.

— Наши есть?

— Не видели. На перекрёстке немецкий пост. Дорога к востоку у них.

Из леса появился Белкин. Он двигался осторожнее, винтовку держал наготове. Подойдя, присел у капота и ткнул пальцем в карту.

— Вот здесь колонна. А здесь ещё машины стоят. На нашей дороге следы свежие, они по ней тоже ходили.

— Сколько? — спросил Ракитин.

Белкин покачал головой.

— Больше, чем у нас патронов.

Шуткой это не было.

Лейтенант изучал карту. К востоку вела одна нормальная дорога. Она была перерезана. На севере тянулась заболоченная низина, южнее шли открытые поля. За спиной оставались мост и немецкая разведка.

Федот положил рядом с картой отвёртку.

— До своих не дошли.

— Пока, — сказал Ракитин.

— Куда теперь?

Лейтенант провёл пальцем по синей штриховке болота. На карте через неё не было ни дороги, ни тропы.

— Сначала убираем машину с просёлка. Раненых в лес. До темноты лежим тихо. Потом ищем проход на северо-восток.

Крошин выбрался из-под полуторки.

— Машину с дороги руками?

— Рессора выдержит двадцать метров?

— Если очень любит Родину.

— Уговори.

Крошин надел кепку и полез в кабину.

Я посмотрел назад. За деревьями ничего не было видно, но я помнил каждый метр оставленного моста. Пушку поперёк настила. Ящики у западной опоры. Винтовки под брезентом. Всё железо, которое мы обменяли на людей.

Обмен сработал. Люди были здесь.

Только дороги для них больше не было.

На востоке ревели немецкие моторы. На западе остался последний мост. Север закрывало болото, юг — открытое поле.

Ракитин сложил карту.

— Похоже, нас обошли.

Матвеев поднялся на локте.

— Это что же, товарищ лейтенант... котёл?

Ракитин посмотрел на семнадцать человек, неподвижную полуторку и лес вокруг.

— Пока только крышку ставят, — сказал он. — Постараемся не дожидаться.

Мотор завёлся с третьей попытки.

Мы столкнули машину с дороги и скрылись под елями.

А шоссе на восток уже принадлежало немцам.

Глава 4. Котёл

Полуторка любила Родину ровно девятнадцать метров.

На двадцатом треснувшая рессора сдалась окончательно. Машина съехала передними колёсами с просёлка, продавила кусты и легла левым боком на молодую ель. Мотор ещё работал, но заднее колесо почти касалось кузова.

Крошин выключил зажигание и некоторое время сидел в кабине, положив ладони на руль.

— Я просил двадцать, — сказал Ракитин.

— А она шофёра пожалела. Если бы доехала, пришлось бы обратно толкать.

Он вылез, открыл капот и снял клемму с аккумулятора. Делал это спокойно, как человек, который не бросает машину, а ставит её на очень короткий ремонт.

Мы затащили под ель последние носилки. В кузове и на земле остались тёмные пятна. Зинаида Павловна сразу уложила раненых в ряд, велела натянуть между деревьями плащ-палатки и потребовала воды.

— Много? — спросил Матвеев.

Сержант сидел, привалившись к колесу. Повязка на его голове стала почти чёрной.

— Всю.

— А нам?

— Вам тоже. Но после тех, кто не спорит.

Матвеев хотел возразить, увидел её лицо и передумал. Хороший командир умеет вовремя распознать старшего по званию. Особенно если у старшего бинты и ножницы.

Ракитин поставил Белкина и ещё двух бойцов в охранение. Круглов полез маскировать колею еловыми ветками. Федот Савельевич собирал оружие у корней старой сосны и проверял каждую винтовку прежде, чем вернуть владельцу.

Я снял ДП с плеча. Чернов тут же протянул руку.

— Давай сюда.

— Тебе Зинаида Павловна что сказала?

— Лежать. Но пулемёту она ничего не говорила.

— У тебя одна рука.

— Вторая тоже есть. Просто вредная.

Он попытался согнуть пальцы раненой руки и побелел. Я опустил ДП рядом с ним.

— Диски проверь. Стрелять буду я.

— Один полный, в другом патронов двадцать. Остальные пустые.

— Вот и проверил.

— Я быстро учусь.

Система не появилась. Наверное, соглашалась.

Мы прятались меньше чем в двух километрах от немецкой колонны. Восточное шоссе ревели моторами. Иногда гул стихал, и тогда становилось слышно, как в лесу перекликаются птицы. Потом проходила следующая группа машин, и земля снова едва заметно дрожала.

С запада пока молчали.

Это не успокаивало. Немцы у моста видели, куда мы ушли. Как только они уберут пушку с настила или найдут брод, по просёлку пойдёт разведка. Полуторка с пробитым бортом оставила след, который не потерял бы даже городской инженер после двух контузий.

Ракитин разложил карту на земле и прижал углы камнями.

— Считаем, — сказал он. — Люди, оружие, боеприпасы. Потом решаем, что уносим.

— Семнадцать, — отозвался Матвеев. — Семеро раненых.

Зинаида Павловна подняла голову.

— Восемь.

— Кто ещё?

— Ты.

— Я хожу.

— Пока.

Матвеев потрогал повязку и больше не спорил.

Федот присел у карты.

— Тринадцать винтовок. ДП. К пулемёту один полный диск и двадцать патронов во втором. Винтовочных в обоймах и россыпью около шестисот. Ещё два закрытых ящика в кузове.

— В ящиках сколько? — спросил Ракитин.

— По тысяче двести.

— Значит, патронов хватает.

— Если машина понесёт, — сказал я.

Все посмотрели на полуторку.

Крошин высунулся из кабины.

— Не понесёт. И сама не пойдёт. Чтобы вернуть на дорогу, нужен тягач. Чтобы она после этого поехала — рессора. Чтобы не досталась немцам — совесть у немцев.

— Последнего точно нет, — сказал Чернов.

— Тогда остаются первые два.

Ракитин провёл пальцем по карте. Просёлок упирался в шоссе. На севере синела широкая заболоченная низина без единой дороги. Южнее были поля и несколько деревень. Туда немцы двигались по шоссе, туда же за рекой осталась их разведка.

— До темноты стоим, — решил лейтенант. — Потом уходим через лес на северо-восток.

— Через болото? — спросил Федот.

— Если найдём проход.

— А если нет?

— Тогда вернёмся и спросим у немцев дорогу.

Крошин вылез из кабины с двумя тяжёлыми деревянными ящиками. Один поставил на землю осторожно, второй уронил с высоты ладони.

Внутри что-то звякнуло.

— Это ещё что? — спросил я.

— Связь, — ответил он. — Бывшая.

Матвеев поморщился.

— У батальонного штаба забрали. Связисты погибли у казармы. Лозовой велел грузить обе. Сказал, в одной передатчик цел, в другой приёмник.

— И ты молчал?

— Пока машина ехала, было не до разговоров по радио. Потом вы пушку выбрали.

Он сказал это без упрёка, но Федот посмотрел на меня.

Я открыл первый ящик. Радиостанция пережила бомбёжку хуже, чем утверждал Матвеев. Панель вмяло внутрь, одна ручка настройки отсутствовала, на корпусе темнело пятно. Во втором ящике аппаратура выглядела целее, зато из батарейного отсека пахло сыростью и гарью.

На табличках стояло одинаковое обозначение: 6-ПК.

— В радио понимаешь? — спросил Ракитин.

— Хуже, чем в оружии. Лучше, чем в болотах.

— Это сейчас не ответ.

— Посмотрю.

Я коснулся панели.

Система задумалась надолго. Потом вокруг обеих станций появились тусклые контуры.

ОБЪЕКТ: РАДИОСТАНЦИЯ 6-ПК.

КАТЕГОРИЯ: СРЕДСТВО БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ.

ЗАЧЁТ КАК ВООРУЖЕНИЕ: НЕТ.

Сразу предупредила, чтобы я не рассчитывал на лёгкий четвёртый пункт. Начальство в любой эпохе умело заранее закрыть лазейку в отчётности.

Строки сменились.

ДИАГНОСТИКА ЭЛЕКТРОННЫХ КОМПОНЕНТОВ: ОГРАНИЧЕНА.

ДОСТУПНЫ: ОЦЕНКА ЦЕЛОСТНОСТИ; СОВМЕСТИМОСТЬ УЗЛОВ; КОНТРОЛЬ СБОРКИ.

Первая станция подсветилась красным почти целиком. У второй метки легли на питание, две лампы и антенный ввод.

— Из двух одну соберём, — сказал я. — Приём точно. Передача — если повезёт.

— Сколько времени? — спросил Ракитин.

Я мысленно запросил оценку.

РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ ПРИ ТЕКУЩЕМ СОСТАВЕ: 01:46:00.

— Два часа.

— До темноты больше.

— До немцев может быть меньше.

Ракитин посмотрел в сторону просёлка.

— Делай. Услышим своих — поймём, куда идти. Федот, Круглов ему помогают. Крошин готовит машину, чтобы нельзя было сразу завести. Остальные отдыхают и собирают воду.

— Какую воду? — спросил Крошин. — Тут болото.

Зинаида Павловна уже протягивала ему два котелка.

— Чистую.

— А где её взять?

— Вы же академик.

Крошин вздохнул и пошёл искать кафедру водоснабжения.

* * *

Внутри первой радиостанции кто-то уже пытался чинить войну отвёрткой.

Крепёж на крышке был сорван, провода перекручены, одна лампа стояла не в своём гнезде. Возможно, это сделал связист после удара. Возможно, Круглов успел подержать ящик, пока я не видел.

— Я не трогал, — быстро сказал он, поймав мой взгляд.

— Даже не спросил ещё.

— А я заранее.

Федот разложил на плащ-палатке инструменты.

— Значит, виноват.

— Федот Савельевич...

— Подавай малую отвёртку, виноватый.

Мы работали в тени елей. Я снял повреждённую панель, Федот добрался до блока питания, Круглов очищал контакты и подписывал мелом снятые детали. Последнее я заставил его делать после истории с пушкой.

— Зачем подписывать, если видно? — спросил он.

— Чтобы и завтра было видно.

— А если завтра не понадобится?

Федот посмотрел на него поверх очков, которых у него не было.

— Тогда мел сэкономишь.

Система не объясняла радиотехнику. Она только отмечала обрыв, несовместимую деталь или узел, поставленный неправильно. В моё время диагностику облегчали осциллографы, тестеры и документация. Здесь имелись контрольная лампа, отвёртка и Федот, который считал электричество разновидностью дурного характера.

— Ток либо есть, либо нет, — заявил он, когда я попросил проверить цепь питания.

— Иногда он есть не там.

— Значит, оттуда выгнать.

Нужную выходную лампу мы нашли в разбитой станции. Рядом лежала ещё одна, с таким же цоколем. Круглов уже потянулся к ней, но система показала несовместимость режима.

СОВМЕСТИМОСТЬ: 23%.

УСТАНОВКА НЕ РЕКОМЕНДОВАНА. РИСК ПОВРЕЖДЕНИЯ СОПРЯЖЁННЫХ УЗЛОВ.

Я отложил её.

— Похожая, — сказал Круглов.

— Похожая — это когда издалека. Здесь нужна подходящая.

— А как понять без вашей... без глаз?

Он запнулся. Круглов был не глуп. После пушки и машины начал замечать, что мои глаза видят слишком выборочно.

— По маркировке, схеме и проверке, — ответил я. — Чудес нет.

— А если схемы нет?

— Тогда чудес особенно нет.

Федот перестал возиться с проводом.

— Грачёв.

— Что?

— Потом договорите. Сейчас у нас эфир остывает.

Он не смотрел на меня. Только сильнее затянул контакт.

Через час приёмник впервые зашипел.

Круглов дёрнулся и едва не опрокинул станцию.

— Работает!

— Шумит, — поправил Федот. — Работать она начнёт, когда из неё человек заговорит.

Я медленно повёл настройку. Шорох менялся, проваливался, снова усиливался. В наушниках свистело и трещало. Потом сквозь помехи пробился голос:

— ...всем... подразделениям... отход... восточнее... шоссе свободно... сбор у Городца... повторяю...

Голос исчез.

Ракитин, сидевший рядом с картой, подался к нам.

— Что сказал?

Я повторил.

Белкин вернулся из охранения за водой и услышал последнее.

— Какое свободно? Там немцев на три шоссе.

— Может, передавали раньше, — сказал Матвеев.

— Или не про наше, — добавил Ракитин. — Позывной был?

— Не слышал.

Я снова поймал частоту. Теперь шёл только треск.

— Дальше крути, — сказал лейтенант.

Через несколько минут нашёлся другой голос. Говорил быстро, захлёбываясь помехами:

— ...«Берёза-два», я «Ясень»... восточная дорога занята... повторяю, занята... к северной просеке не выходить... бронемашины... отходите через лесничество...

— Где лесничество? — спросил Федот.

Ракитин уже водил пальцем по карте.

— Не обозначено.

Передача оборвалась. В эфире кто-то дважды назвал другой позывной, потом послышалась немецкая речь.

Круглов снял наушник.

— Они на нашей станции?

— В нашем эфире, — сказал я. — Станция пока наша.

Ракитин сел на корточки рядом.

— Один приказ отправляет нас к шоссе. Второй говорит туда не ходить.

— На шоссе мы уже смотрели, — напомнил Белкин.

— Приказ мог быть старше того, что там сейчас. Или относится к другому участку.

Матвеев потрогал повязку.

— А про лесничество правда?

— Может быть. Может, немцы тоже слушают и ждут у лесничества.

Федот постучал пальцем по деревянному ящику.

— Радио починили, а яснее не стало.

— Стало, — сказал я. — Теперь у нас два неправильных пути вместо одного.

Ракитин посмотрел на меня.

— Есть третий?

Я взял карту.

Она не стала понятнее от того, что теперь лежала у меня в руках.

Синяя штриховка тянулась с запада на восток широкой полосой. В нескольких местах из неё выступали сухие гривы — узкие возвышения, заросшие лесом. Между ними шли протоки и заболоченные луга. Карта честно сообщала, что нормальному человеку там делать нечего.

Ненормальных было семнадцать.

— Белкин, где ты воду набирал? — спросил я.

Он показал на север.

— За ельником канава. В ней течёт. Дальше ольха и кочки.

— Канава прямая?

— Будто по нитке.

— Крошин!

Шофёр откликнулся из-под кузова:

— Если опять толкать, меня нет.

— За водой ходил?

— Ходил. Там старые пни в ряд и брёвна под мхом. Видно, лес когда-то возили.

Я нашёл на карте узкий сухой выступ, уходивший в болото. От него до следующей гривы было меньше километра. Дальше тянулась едва заметная прямая линия — не дорога, скорее граница лесных кварталов. На нашем обгоревшем куске она обрывалась у синей штриховки.

— Старая лежнёвка, — сказал я. — Или гать. От просёлка шла к вырубке, потом её забросили.

Федот нахмурился.

— На карте нет.

— Потому что старая. Канава отводила воду, брёвна держали телеги. Если идти вдоль неё, выйдем на первую гриву. Там ищем продолжение.

Ракитин поставил ногу на точку.

— А дальше?

— Дальше по квартальной линии на северо-восток. Она должна быть выше болота. Выйдем южнее той просеки, про которую говорили по радио, и не полезем к лесничеству.

— «Должна быть»? — переспросил Матвеев.

— Местность так устроена. Лес возили по самому сухому месту. Инженеры и сто лет назад не любили топить лошадей.

— А если там всё сгнило?

— Тогда будем топить себя.

Ракитин забрал карту и долго считал расстояние по линейке на краю планшета.

— До сухого леса за болотом пять километров. С ранеными — часов шесть.

— Если дорога есть, — сказал Федот.

— Если дороги нет, часов у нас вообще не осталось.

Лейтенант обвёл взглядом людей.

— Выходим, как стемнеет. Грачёв ведёт до первой гривы. Белкин впереди с шестом. Крошин ищет лежнёвку. Матвеев замыкает.

Зинаида Павловна подошла к карте, вытирая руки о мокрую тряпку.

— Трёх надо нести. Аркадьич сам не пройдёт. Ещё двое тоже.

— Носилки сделаем, — ответил Ракитин.

— Носилки сами себя не понесут.

— По четыре смены на каждые.

— У вас столько здоровых нет.

— Значит, по двое и меняться чаще.

Она посмотрела на него так, будто прикидывала, можно ли поставить диагноз «лейтенант».

— Один тяжёлый до утра не доживёт, — сказала она тише. — Тот, с животом.

Ракитин сжал край карты.

— Нести всё равно.

— Я не предлагала бросить. Я предупредила.

Федот поднялся и подошёл к кузову.

— Тогда боеприпасы распределяем сейчас. Каждый, кто идёт сам, берёт по две пачки сверх боекомплекта.

— Мало, — сказал Матвеев.

— Много, если ещё носилки.

— Два ящика остаются?

Федот не ответил. Посмотрел на меня.

Ящики стояли под бортом полуторки. Дерево сухое, крышки целы, трафаретные надписи хорошо видны. Две тысячи четыреста патронов. Почти шестьдесят килограммов металла, пороха и будущих выстрелов.

— Остаются, — сказал я.

Федот медленно выпрямился.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего. Сначала винтовка у сосны. Потом склад. Потом пушка. Теперь патроны.

— Склад мы взорвали, чтобы он немцам не достался.

— А винтовку спрятал. Пушкой мост закрыл. Я помню, как ты называешь то, что бросаешь.

Он говорил негромко. Люди вокруг всё равно перестали заниматься своими делами. Круглов замер с катушкой антенного провода в руках. Чернов приподнялся у дерева.

— Предлагаешь выгрузить раненых? — спросил я.

— Не передёргивай.

— Тогда кто понесёт ящики?

— Разделим. Возьмём ещё по сотне на человека.

— Девять человек несут три носилки, радиостанцию, батареи, ДП, винтовки и воду. По сотне — это ещё двадцать пять килограммов. Кто возьмёт?

Федот показал на себя.

— Я.

— Вся твоя работоспособность — шестьдесят восемь процентов.

Он замолчал.

Я понял, что сказал, уже после.

Федот прищурился.

— Чего?

— Устал ты. Руки дрожат.

— Проценты откуда взял?

— Прикинул.

— Ты теперь людей тоже по калибрам меряешь?

Круглов опустил глаза. Значит, разговор про мои «глаза» он запомнил.

— Я считаю груз, — сказал я. — Потому что болоту всё равно, казённый он или нет.

— А тебе?

— Мне не всё равно, кто из него выйдет.

Федот шагнул ближе.

— Оружейник не только чинит, Миша. Он отвечает за то, что ему дали. За каждую винтовку, за каждый патрон. Это не твоё железо, чтобы им распоряжаться.

— И люди не мои. Но если приходится выбирать, я выберу их.

— Третий раз за день. С каждым разом легче.

Ударил он точно. Не по логике — по тому месту, где она уже не помогала.

Я вспомнил винтовку у сосны. Склад. Сорокапятку поперёк моста. Теперь два ящика под кузовом. Из правильных решений получалась слишком ровная дорога к человеку, который однажды бросит всё.

— Легче не стало, — сказал я.

— По тебе не видно.

Ракитин встал между нами. Не толкнул, просто оказался на линии разговора.

— Хватит. Решение моё. Боекомплект распределить, остальное оставить. Радиостанцию берём одну. Вторую выводим из строя. Машину маскируем.

Федот посмотрел на него.

— Приказ понятен, товарищ лейтенант.

Он развернулся и пошёл к ящикам.

— Федот Савельевич, — позвал Круглов. — Провод куда?

— Грачёва спроси. Он теперь всё считает.

Парень остался стоять между нами, не зная, к кому сделать шаг.

Я забрал у него катушку.

— Сматывай антенну. Ровно, без узлов.

— А станция?

— Понесём.

— Работает?

Я посмотрел на панель. Передатчик отвечал слабым тоном, приём держался устойчиво. Для двух разбитых ящиков — почти успех.

СРЕДСТВО БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОССТАНОВЛЕНО.

РАБОЧИЕ ФУНКЦИИ: ПРИЁМ — ДОСТУПЕН; ПЕРЕДАЧА — ОГРАНИЧЕННО ДОСТУПНА.

ЗАЧЁТ ОСНОВНОЙ ЗАДАЧИ «ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА»: НЕТ.

ПРИЧИНА: ОБЪЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВООРУЖЕНИЕМ.

Система выдержала паузу и добавила:

КОМАНДНАЯ РАБОТА: 3 СПЕЦИАЛИСТА.

НАЧИСЛЕНО: 2 ЕДИНИЦЫ ОПЫТА КОНТУРА.

Специалистов было трое. Только один из них сейчас не хотел со мной разговаривать.

— Работает, — сказал я Круглову. — Но награды не будет.

— А я и не просил.

— Вот поэтому и специалист.

Он улыбнулся неуверенно и начал сматывать провод.

* * *

К вечеру немецкие моторы появились на просёлке.

Мы слышали их раньше, чем увидели. Один мотоцикл, потом второй. Шли медленно. Водители не разгонялись, пехотинцы рядом прочёсывали обочины.

Ракитин провёл ладонью сверху вниз.

Все легли.

Полуторку закрыли ветками. Колею засыпали хвоей, но там, где машина свернула с дороги, осталась широкая борозда. Крошин положил в неё обломанную ель и навалил сверху кусты. Издалека могло сойти за след от разрыва. Вблизи — только для очень вежливого немца, который не станет проверять.

Я лежал в десяти метрах от дороги. ДП смотрел между корнями. Справа устроился Белкин, слева — Ракитин. Остальные прятались глубже, возле раненых.

Мотоцикл остановился.

Двигатель работал на холостом ходу. Послышались голоса. Один немец подошёл к сломанной ели и ткнул ветки стволом винтовки.

Белкин едва заметно повернул голову ко мне.

Я покачал своей.

Двоих мы бы сняли. Даже четверых. Потом на шоссе заметили бы, что разведка не вернулась, и прислали других. Нам нужна была не победа, а десять минут чужой невнимательности.

Немец переступил через ветку. До полуторки оставалось пятнадцать шагов.

Сзади крикнули. Он обернулся. Второй солдат стоял у обочины и показывал на следы, уходившие дальше по просёлку — старые отпечатки наших колёс до места поломки. Немцы поспорили. Тот, что был ближе, ещё раз пошевелил ветви и вернулся на дорогу.

Мотоциклы тронулись.

Мы не двигались, пока звук не исчез.

Крошин первым выдохнул.

— Обидно, — прошептал он. — Машину не оценили.

— Вернутся, — сказал Ракитин. — Выходим сейчас. До темноты дойдём до канавы, дальше под лесом.

Носилки были готовы. Два каркаса связали из жердей и плащ-палаток, для третьих разобрали бортовые скамьи полуторки. Рабочий аппаратный ящик снабдили лямками и укрепили на спине Крошина. Батареи взял Круглов. Он качнулся под грузом, но устоял.

Боеприпасы распределили по подсумкам и мешкам. Федот набил свой вещмешок так, что тот стал почти круглым. Я не спрашивал, сколько он взял из оставляемого ящика. По тому, как он поднимал мешок, — больше, чем следовало.

Крошин задержался у кабины. Погладил ладонью дверь, потом снял небольшую деталь и спрятал в карман.

— Теперь не заведут, — сказал он.

— А мы? — спросил Чернов с носилок.

— Мы тоже. Зато справедливо.

Донорскую радиостанцию Федот разобрал без меня. Самые нужные лампы и детали уложил в сумку, остальное прикрыл брезентом. Ящики с патронами поставили под кузов, подальше от дороги. Не уничтожили. Если наши вернутся раньше немцев, найдут. Ещё один дешёвый самообман.

Ракитин построил тех, кто мог стоять.

— Разговаривать только шёпотом. Не курить. Свет не зажигать. Носилки менять по моей команде. Если начнётся стрельба, раненых не бросать. Охранение принимает бой, остальные уходят дальше.

Матвеев криво усмехнулся.

— А охранение?

— Догоняет.

— Хороший приказ.

— Других нет.

Я взял ДП. Федот встал к передним ручкам носилок Аркадьича, даже не посмотрев в мою сторону.

Белкин шагнул в ольшаник и длинным шестом проверил землю.

— Тут держит.

— Пока держит, — сказал Крошин.

— Ты можешь хоть раз не помогать?

— Я стараюсь.

Мы ушли в болото.

Первые двести метров болото делало вид, что ничего страшного в нём нет.

Под ногами пружинил мох. Вода поднималась только до щиколотки. Ольха росла редко, между стволами тянулась прямая канава. На её краю лежали потемневшие брёвна. Крошин очистил одно сапогом и довольно хмыкнул.

— Вот ваша дорога.

— Моя? — спросил я.

— Если утонем — точно ваша.

Белкин шёл впереди. Шест входил в мох на ладонь, иногда на полметра. Там, где глубина увеличивалась, мы обходили кочку и снова находили брёвна. От лежнёвки остались отдельные участки, но направление она держала.

Носилки двигались рывками. Десять шагов — остановка, смена рук, ещё десять. Аркадьич сначала пытался помогать, отталкиваясь здоровой ногой, потом затих. Чернов лежал на вторых и злился каждый раз, когда его поднимали.

— Я сам пойду.

— Уже ходил, — отвечала Зинаида Павловна. — Мне не понравилось.

— А мне понравилось.

— Поэтому ты не врач.

Третьи носилки не разговаривали. Боец с раной в животе был без сознания. Рядом с его головой шла санитарка, держала пальцы на шее и время от времени поправляла сползавшее одеяло.

Солнце опустилось за лес. В ольшанике быстро темнело. Гул шоссе стал тише, зато каждый наш звук сделался громче: хлюпанье сапог, скрип жердей, тяжёлое дыхание.

Федот нёс Аркадьича впереди справа. Вещмешок тянул его назад. Через полчаса он начал ставить левую ногу осторожнее.

— Сменись, — сказал я.

— Не устал.

— Вижу.

— Ты многое видишь.

Он перехватил жердь и пошёл дальше.

Я не стал спорить. Ссора в болоте весила больше ящика патронов и помогала ещё меньше.

Лежнёвка оборвалась у открытой воды.

В сумерках чёрное окно тянулось вправо и влево. Белкин опустил шест — тот ушёл почти целиком.

— Здесь не пройти.

Ракитин подошёл к краю и развернул карту на планшете. Читать стало трудно, огонь зажигать нельзя.

— Мы держали северо-восток, — сказал он. — Должны быть у первой гривы.

— Грива там, — ответил Крошин и показал вправо. — Ветер оттуда сухой.

— Ветер у него сухой, — пробормотал Федот.

— Можете мокрый понюхать для сравнения.

Я присел возле последних брёвен. Их концы уходили не прямо в воду, а чуть севернее.

Под мхом торчал следующий ряд, затопленный и просевший.

— Дорога поворачивала, — сказал я. — Идёт по краю воды вправо.

— Уверен? — спросил Ракитин.

— Нет.

— Хорошо, что честно.

— Но здесь брёвна. Значит, пойдём по ним.

Белкин проверил первый шаг. Вода поднялась до колена, но дно держало. Мы свернули.

Через пятьдесят метров стало хуже. Брёвна разошлись, некоторые всплыли и перекатывались под ногами. Носилки накренились. Раненые стонали, люди ругались шёпотом.

Федот провалился внезапно.

Только что стоял, а потом исчез по пояс. Жердь вырвало из его рук, носилки качнулись. Аркадьич глухо вскрикнул.

Я бросился вперёд, ухватил Федота за ремень и потянул. Сапог засосало. Он дёрнул ногой раз, второй.

— Вещмешок снимай!

— Не трогай!

— Там патроны тянут!

— Я сказал, не трогай!

Крошин подал шест. Федот вцепился в него обеими руками. Мы вытащили его на брёвна. Один сапог остался в трясине.

Он сидел в воде, тяжело дыша. Вещмешок по-прежнему был на плечах.

— Шестьдесят восемь процентов, — сказал я.

Федот поднял голову.

— Ещё раз повторишь — утоплю.

— Для этого придётся встать.

Крошин фыркнул и сделал вид, что закашлялся.

Федот снял вещмешок. Я разделил патроны между собой, Кругловым и Матвеевым. Он не мешал, но смотрел на каждую пачку так, будто я отрезал от него кусок.

Сапог достали шестом. Федот вылил воду, обулся и снова взялся за носилки.

На первую сухую гриву мы вышли уже в темноте.

Она оказалась узкой полосой сосен среди чёрной воды. Люди опустили носилки прямо на хвою и легли рядом. Никто не просил привала — просто перестали двигаться.

Зинаида Павловна склонилась над третьими носилками. Пальцы легли на шею бойца, потом на грудь. Она просидела так минуту.

— Всё, — сказала наконец.

Матвеев закрыл глаза.

— Фамилия?

— Гаврилов, — отозвался один из бойцов. — Пётр. Из второй роты.

Ракитин достал карандаш и записал в планшете.

Система не появилась. Один человек перестал быть сохранённым, а ей нечего было добавить к работе санитарки.

Мы завернули Гаврилова в плащ-палатку и перенесли под сосну. Копать было нечем и некогда. Зинаида Павловна поправила ткань у его лица, хотя лицо уже было закрыто.

— Пойдём, — сказала она.

Теперь носилок осталось двое. Нести стало легче.

От этой мысли захотелось вымыть голову изнутри.

Ракитин дал десять минут. Крошин снял радиостанцию. Мы растянули короткую антенну между соснами и подключили питание. Приёмник зашипел сразу.

— Передай, что мы живы, — сказал Матвеев.

— Кому? — спросил Ракитин.

Сержант посмотрел на тёмный лес.

— Хороший вопрос.

Лейтенант надел наушники и вызвал позывной батальона. Ответа не было. Повторил через минуту. В эфире трещало, далеко работала другая станция, слова разобрать не удавалось.

На третьем вызове кто-то ответил:

— ...вас не слышу... назовите... квадрат...

Ракитин потянулся к карте.

Я удержал его руку.

— Не называйте.

— Почему?

— Мы не знаем, кто спрашивает.

В наушниках голос повторил требование. Говорил по-русски, правильно. Слишком правильно или мне уже мерещилось.

Ракитин нажал передачу.

— Назовите свой позывной полностью.

В ответ пришёл треск. Потом на частоте заговорили по-немецки.

Лейтенант снял наушники.

— Значит, идти надо быстрее.

— Радио зря тащили? — спросил Круглов.

— Нет, — сказал я. — Теперь мы знаем, кому не сообщать адрес.

Станцию снова уложили в мешок.

За спиной, далеко на западе, в небо поднялась белая ракета. Через несколько секунд вторая. Свет повис над лесом, бледный и холодный.

— У машины, — сказал Крошин.

Никто не спросил, уверен ли он.

Мы ушли с гривы.

* * *

Вторая половина болота оказалась суше и длиннее.

Квартальная просека существовала. Две параллельные канавы, между ними заросший вал. По нему можно было идти, не проверяя каждый шаг. Иногда вал проваливался, тогда мы спускались в воду и обходили. Но направление держалось.

Я шёл впереди второй пары носилок и считал шаги. Не потому, что это помогало. Просто цифры не давали думать о Гаврилове под сосной и Федоте за спиной.

Тысяча двести шагов до следующей остановки. Потом ещё тысяча. Если карта не врал, сухой лес начинался после четырёх тысяч.

На трёх тысячах Чернов попросил остановиться.

— Рука?

— Нет. Слушай.

Мы замерли.

Впереди хрустнула ветка.

Белкин присел, выставив шест. Я снял ДП с плеча. Ракитин перевёл винтовку в руки. По колонне без команды прошёл тихий металлический шорох — открывали затворы, проверяли оружие.

В темноте кто-то шёл поперёк просеки. Несколько человек. Не таились, но двигались осторожно.

— Может, наши, — шепнул Круглов.

— Немцы тоже ходят ногами, — ответил Федот.

Ракитин показал носилки в канаву. Людей отвели с вала. Я лёг у корня, упёр сошки ДП в мокрую землю.

Шаги приблизились.

— Стой! — крикнули впереди по-русски. — Кто идёт?

Ракитин не поднялся.

— Красная армия! Лейтенант Ракитин, полковая охрана! Веду раненых!

— Один вперёд! Оружие оставить!

— Здесь болото. Утонет.

После короткой паузы голос ответил:

— Тогда затвор открыть. Идти медленно.

Ракитин передёрнул винтовку, поймал патрон и положил его в карман. Открытый затвор блеснул в темноте. Лейтенант вышел на просеку.

Мы ждали.

Через минуту кто-то свистнул. Из леса появились красноармейцы. Пятеро, потом ещё трое. Винтовки держали направленными вниз, но пальцы лежали рядом со спусками. Один подошёл к носилкам, увидел петлицы Чернова и опустил ствол.

— Свои, товарищ капитан, — сказал он.

Из темноты вышел человек в гимнастёрке без ремня через плечо. Кобура была расстёгнута. Капитан посмотрел на Ракитина, на раненых, на радиостанцию за спиной Крошина.

— Документы.

Ракитин протянул удостоверение и планшет.

Капитан листал долго. Потом поднял глаза.

— Полковой склад номер четыре уничтожен?

— Да.

— Связи с частью нет?

— Нет.

— Почему отходите на север, если сбор объявляли у Городца?

— Шоссе занято противником.

— Кто решил менять маршрут?

Ракитин кивнул на меня.

— Рассчитали вместе. Грачёв нашёл старую гать.

Капитан посмотрел внимательнее.

— Младший сержант?

— Оружейный мастер, — сказал я.

— И радист?

— Сегодня временно.

Он подошёл к Крошину и откинул брезентовый чехол аппаратного ящика. Увидел панель станции, свежие соединения, детали в промасленной ткани.

— Кто ремонтировал?

— Я. Соломин и Круглов помогали.

Федот стоял позади. Он мог подтвердить сразу. Не подтвердил.

Капитан закрыл мешок.

— Позывной в эфире называли?

— Называли батальонный. Свой квадрат не передавали.

— Почему?

— На частоте сидели немцы.

Он помолчал.

— Очень предусмотрительный младший сержант.

Комплиментом это не звучало.

Ракитин забрал документы.

— С кем имею дело, товарищ капитан?

Человек застегнул кобуру.

— Сорокин. Третий отдел.

Матвеев тихо выругался.

Капитан услышал, но не повернул головы.

— Раненых приведём к своим. Остальные идут с нами. Оружие оставить при себе, затворы открытыми.

Он снова посмотрел на меня.

— А младшего сержанта Грачёва поставить отдельно. До выяснения.

Двое бойцов шагнули с обеих сторон.

Федот наконец поднял голову. В его лице что-то дрогнуло, но он промолчал.

Я открыл затвор ДП.

Из котла мы вышли.

Теперь предстояло доказать своим, что вышли не по немецкому заданию.

Глава 5. Человек из Третьего отдела

ДП у меня забрали через двести шагов.

Не отобрали — капитан Сорокин не любил лишних слов и лишних движений. Просто показал пальцем на пулемёт, потом на своего бойца.

— Передать.

Я снял ремень с плеча и протянул оружие красноармейцу. Тот взял ДП осторожно, будто я мог оставить в нём что-то заразное.

— Диск отдельно, — сказал Сорокин.

— Он полный.

— Поэтому отдельно.

Диск ушёл второму бойцу. Меня поставили между ними. Винтовки они держали стволами вниз, но открытых затворов не было. Получалось, наши новые проводники доверяли мне меньше, чем немцам впереди.

Свёрток инструментов велели отдать тоже. Отвёртку в кармане не заметили.

Ракитин оглянулся.

— Товарищ капитан, Грачёв ранен и контужен. Он двое суток на ногах.

— Значит, не убежит.

— Он не арестованный.

Сорокин шёл впереди, раздвигая ветки рукой. На слова лейтенанта даже не обернулся.

— Это я выясняю.

Дальше двигались молча.

После болота сухая земля казалась чужой. Сапоги больше не тонули, зато каждый шаг отдавался в коленях. В голове шумело. Новое тело было молодым, но последние сутки использовали его без инструкции и перерывов на обслуживание.

Носилки шли в середине колонны. Зинаида Павловна держалась возле Аркадьича, иногда клала пальцы ему на шею. Чернов лежал на вторых и смотрел в чёрное небо. Матвеев шёл сам, хотя после каждого десятка шагов касался ладонью повязки на голове, словно проверял, не потерялась ли она вместе с половиной крови.

Федот держался рядом с Кругловым. Радиостанцию теперь нёс один из людей Сорокина, батареи оставили парню. Крошин дважды пытался объяснить новому носильщику, как не оборвать кабель, потом махнул рукой и пошёл следом, готовый поймать аппарат раньше человека.

До сборного пункта оказалось около километра. Сначала в лесу появились одиночные ячейки, потом окопы полного профиля. У каждой тропы сидели часовые. Пароль спрашивали трижды, и Сорокин каждый раз отвечал разными словами. Либо порядок меняли часто, либо капитан проверял собственных людей.

За последней линией охранения лес ожил.

Под соснами лежали и сидели красноармейцы. Кто-то спал прямо на хвое, положив голову на скатку шинели. Кто-то чистил винтовку в темноте, на ощупь. Между деревьями натянули плащ-палатки, возле низкого штабеля ящиков копали щель. Костров не было. Свет маскировали одеялами и ветками, но даже так я заметил не меньше сотни человек.

Не часть. Остатки частей.

Петлицы разные, лица одинаковые. Копоть, усталость и вопрос, который никто не задавал вслух: где фронт и есть ли он ещё впереди.

Наших раненых сразу увели к санитарной палатке. Зинаида Павловна пошла с ними, не спрашивая разрешения. Ракитин хотел двинуться следом, но Сорокин остановил его.

— Сначала доложите.

— Людей положить надо.

— Положат. Здесь врач есть.

— Врач не знает, кто из них сколько крови потерял.

— Санитарка расскажет.

Ракитин посмотрел туда, где исчезли носилки, и медленно расстегнул планшет.

— Кому докладывать?

— Мне.

Нас разделили возле маленького бревенчатого дома. Видимо, раньше здесь жил лесник. Теперь на двери висела дощечка с криво написанным словом «ШТАБ», а под окнами лежали мешки с песком.

Ракитина ввели первым. Матвеев сел у стены и прикрыл глаза. Крошин устроился рядом с радиостанцией. Федот остался стоять.

Я прислонился спиной к сосне. Один из конвоиров тут же качнул стволом.

— Не садиться.

— Я стою.

— И не прислоняться.

— А дерево тоже до выяснения?

Боец нахмурился, решая, считать ли это дерзостью. Второй отвернулся. По движению плеч я понял, что он улыбаётся.

Сорокин вышел минут через двадцать.

— Грачёв.

Внутри дом разделили перегородкой на две комнаты. В первой над столом склонились связист и пожилой политрук. Связист крутил ручку полевого телефона и с каждым оборотом злился сильнее. Политрук отмечал что-то на карте. На ней синих стрелок было больше, чем красных.

Сорокин провёл меня во вторую комнату.

Здесь стояли стол, две табуретки и керосиновая лампа под жестяным колпаком. Окно закрыли плащ-палаткой. На столе лежали мои красноармейская книжка, отвёртка из кармана и сложенный вчетверо лист бумаги.

Капитан сел. Мне не предложил.

— Фамилия, имя, отчество.

— Грачёв Михаил Алексеевич.

— Год рождения.

— Тысяча девятьсот девятнадцатый.

— Место рождения.

Я ответил. Название деревни пришло из памяти Михаила вместе с картинкой: низкий дом, колодец, мать в тёмном платке. Образ исчез раньше, чем я успел разглядеть лицо.

Сорокин задал ещё десяток вопросов. Районный военкомат. Когда призван. Где проходил обучение. Фамилия командира роты. Кто принял меня в полковую мастерскую.

На половину вопросов отвечало тело. На остальные — обрывки памяти и красноармейская книжка перед капитаном. Он всё равно спрашивал, наблюдая не за словами, а за паузами между ними.

— Утром двадцать второго июня вы получили контузию, — сказал он наконец.

— Да.

— До неё были оружейным учеником у старшего мастера Соломина.

— Оружейным мастером.

— Соломин называет вас учеником.

— Федот Савельевич любого младше сорока считает учеником.

Сорокин не улыбнулся. Поставил карандашом точку на листе.

— После контузии вы восстановили ручной пулемёт, станковый пулемёт и сорокапяти-миллиметровую пушку.

— «Максим» мы с Федотом собрали из двух. Пушке вернули возможность сделать несколько выстрелов. Восстановлением это назвать трудно.

— Ещё отремонтировали грузовую машину.

— Крошин отремонтировал. Я показал, где искать.

— Ещё радиостанцию.

— С Соломиным и Кругловым.

— Нашли дорогу через болото, которой нет на карте.

— Она есть на местности.

Карандаш снова коснулся бумаги.

— Успеваете делиться заслугами. Хорошая привычка.

— Полезная. Если всё делать одному, быстро остаёшься один.

Капитан положил карандаш поперёк листа.

— Где вы научились ремонтировать радиостанции?

— Я не умею ремонтировать радиостанции.

— Она работает.

— Потому что связист до нас уже нашёл половину неисправностей. Мы заменили обгоревший провод, выходную лампу и собрали питание из двух комплектов. Я умею отличить целый контакт от оборванного.

— И подходящую лампу от неподходящей.

— Маркировка на стекле.

— В темноте?

— Мы работали днём.

Сорокин чуть откинулся. Усталость на его лице не исчезла, но стала заметнее. Ему было лет тридцать пять. За последние сутки он, вероятно, выслушал не одну историю о погибших командирах, пропавших штабах и приказах, которые никто не получал. Моя отличалась только количеством исправленного железа.

— На радиостанции дважды требовали передать координаты, — сказал он. — Вы запретили.

— Первый приказ противоречил тому, что мы видели на шоссе. Второй пришёл без полного позывного. Потом на частоте заговорили по-немецки.

— Немецкий знаете?

— Несколько слов.

— Какие?

— «Хальт». «Шнель». «Хенде хох».

— Очень военный словарь.

— За последние сутки часто повторяли.

Он помолчал, потом перевернул лист. На другой стороне были записаны показания Ракина. Я узнал фамилию и несколько слов вверх ногами.

— Лейтенант утверждает, что вы трижды спасли отряд от уничтожения.

— Лейтенант устал.

— Сержант Матвеев говорит то же самое.

— У него ранена голова.

— Ефрейтор Чернов назвал вас «упрямым чёртом, который слышит полонку раньше выстрела».

— У него ранена рука.

Сорокин впервые усмехнулся. Совсем немного.

— А у вас, Грачёв, удобный отряд.

— Другого нет.

Улыбка исчезла.

— Вот именно. Другого нет. Полки теряют управление, люди выходят из окружения группами по пять, по десять, по сто человек. Среди них появляются те, кого никто не знает. С правильными документами, правильными петлицами и очень полезными умениями. Один наводит авиацию. Второй отправляет колонну на занятый перекрёсток. Третий ремонтирует связь и решает, что можно передавать в эфир.

— Тогда вам нужен немецкий агент поглупее.

Конвоир у двери перестал дышать.

Сорокин не повысил голоса.

— Объясните.

— Я мог дать немцам наш квадрат. Мог повести людей на восточное шоссе. Мог нечинить пулемёт на складе. Зачем агенту вытаскивать из-под огня шестнадцать человек и вести их через болото?

— Чтобы его начали защищать шестнадцать свидетелей.

Ответ был готов. Значит, он уже думал об этом.

— И ради этого оставить у моста немецкие трупы?

— Мёртвые не дадут показаний.

— А живые дадут?

Капитан посмотрел мне в глаза.

— Иногда.

В комнате стало тихо. За перегородкой связист выругался и снова начал крутить индуктор телефона. В проводах ответа не было.

Сорокин придвинул ко мне отвёртку.

— Соломин говорит, после удара вы стали другим человеком.

Вот теперь вопрос был опаснее немецкого шоссе.

Я посмотрел на инструмент. Плоское жало, трещина на деревянной рукояти. Федот сам заточил её так, что отвёрткой можно было подгонять винты трёх размеров. В прежней жизни за подобное я ругал слесарей. Здесь любая вещь должна была выполнять больше одной работы.

— После удара я не всё помню.

— Зато умеете то, чего не умели раньше.

— Может, раньше меня плохо спрашивали.

Сорокин подался вперёд.

— Я спрашиваю хорошо.

В дверь постучали.

Капитан не отвёл от меня взгляда.

— Войдите.

Зашёл Федот.

Он успел вытереть лицо мокрой тряпкой. Копоть размазалась по скулам, усы торчали в разные стороны. Без вещмешка и инструментов Федот выглядел старше. Левую ногу после болота он берёт, но хромоту прятал.

— Соломин Федот Савельевич? — спросил Сорокин.

— Он самый.

— Вы старший оружейный мастер?

— Был утром. Кто теперь старший, не знаю.

— Грачёва узнали сразу?

Федот посмотрел на меня.

— Сразу.

— Это тот человек, с которым вы служили до войны?

Пауза затянулась.

— Лицом тот, — ответил Федот.

— А остальным?

— Головой его приложило. Многих приложило.

— Вы сказали: «стал другим человеком».

— А вы после первого налёта прежним остались?

Конвоир у двери снова шевельнулся. Сорокин поднял ладонь, и тот замер.

— Отвечайте на вопрос.

Федот провёл пальцами по усам.

— До налёта Мишка хороший был мастер. Руки помнили, голова слушала. Только молодой. Если видел сломанную вещь, хватался чинить, даже когда её проще выбросить. После удара... считать начал.

— Что считать?

— Время. Патроны. Людей. Что унести можно, что нельзя. Кому стрелять, кому бежать.

Раньше я ему говорил, как делать. Теперь он мне говорит.

— И вас это не устраивает.

— Меня много чего не устраивает. Немцы, к примеру.

— Вы считаете Грачёва немецким агентом?

Федот повернул голову ко мне. Вспомнил два ящика под полуторкой, пушку на мосту и винтовку у сосны. Я видел, как он перебирает всё это заново.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Немецкий агент не полез бы за мной в трясины.

— Мог рассчитывать на доверие.

— Тогда он совсем дурак. Я ему после этого больше доверять не стал.

Сорокин постучал карандашом по столу.

— Значит, Грачёв не агент, но доверия у вас к нему нет.

— Я не сказал, что нет. Я сказал — больше не стало.

— Существенная разница?

— Для оружейника — да. Если деталь не стала хуже, её ещё можно проверить.

Капитан посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Идите, Соломин.

Федот задержался у двери.

— Товарищ капитан, Мишка странный. Тут вы правы. Только за последние сутки он больше наших спас, чем бросил. А железа ему жалко не меньше моего. Просто людей почему-то жальче.

Он вышел, не дожидаясь разрешения.

Сорокин взял красноармейскую книжку и убрал во внутренний карман гимнастёрки.

— До выяснения останетесь под охраной.

— Долго выяснять будете?

— Сколько понадобится.

— К тому времени фронт может выясниться сам.

— Выйдет на эту поляну и представится?

— Скорее въедет.

Снаружи коротко просигналил автомобиль.

Сорокин поднял голову.

Сигнал повторился. Потом кто-то закричал:

— Товарища майора сюда! Машину взяли! Немецкую!

Капитан встал.

— Грачёва вывести. Держать у штаба.

Я забрал со стола отвёртку.

Конвоир шагнул наперерез.

— Оставить.

— Это моя.

— Теперь вещественное доказательство.

Сорокин посмотрел на треснувшую рукоять.

— Пусть возьмёт. Если немецкая разведка вооружает агентов такими отвёртками, войну мы ещё не проиграли.

* * *

Трофей въехал на поляну своим ходом.

Открытая машина с широкими крыльями, откинутым брезентовым верхом и запасным колесом на боку. На дверце белел крест, на переднем крыле — тактический знак, наполовину заляпанный грязью. За рулём сидел наш красноармеец в немецкой каске. Каска была ему велика и сползала на глаза, но снимать её он не хотел.

— «Хорьх», — сказал Крошин из толпы. — Восемь цилиндров.

Федот покосился на него.

— Ты уже под капот заглянул?

— У машины звук грамотный.

— Дожили. Один у нас землю на слух проверяет, второй моторы.

Автомобиль остановился перед штабом. Из него выпрыгнули двое разведчиков. Один держал немецкий автомат, второй — кожаную планшетку.

Из дома вышел коренастый майор с незастёгнутым воротом гимнастёрки. Правый рукав был разорван и перевязан выше локтя. Сорокин встал рядом с ним.

— Где взяли? — спросил майор.

— На просёлке за старой вырубкой, товарищ майор, — доложил разведчик с планшеткой. — Стояла в кустах. Радиатор цел, бензин есть. Водителя не было. Следы к шоссе.

— Документы?

— В планшете карты. Ещё в машине кожаный ящик под задним сиденьем. Заперт.

Майор забрал планшетку, быстро пролистал бумаги. Вокруг собрались бойцы. Даже раненые приподнимались на локтях. Исправная машина сейчас выглядела ценнее танка: танк требовал горючего, снарядов и экипажа, а эта могла отвезти донесение.

Меня держали у стены штаба. До автомобиля было шагов пятнадцать. Система молчала. Для неё машина оставалась набором механических узлов, которые не относились к вооружению.

Зато я видел другое.

На лобовом стекле не было пыли под дворником. Сиденье водителя сухое, хотя трава вокруг мокрая. Дверца закрыта не до конца. Немцы бросили автомобиль недавно и не в спешке. Слишком удобно.

Майор передал карты Сорокину и подошёл к машине.

— Заводится хорошо? — спросил он у красноармейца за рулём.

— С пол-оборота, товарищ майор. Только сцепление тугое.

— Вылезай. Шофёру отдайте. Проверить масло, воду, колёса. Через десять минут отправим в дивизию.

Красноармеец сдвинулся к дверце. Приклад винтовки, висевшей у него за спиной, зацепился за спинку сиденья. Он дёрнулся, стукнул локтем по борту и выругался.

Под задней скамьёй что-то коротко блеснуло.

Не случайный отблеск. Тонкая натянутая проволока, уходившая к кожаному ящику.
Я шагнул вперёд.

Конвоир схватил меня за плечо.

— Стоять.

Красноармеец выбрался. Майор поставил сапог на подножку и потянулся к заднему сиденью.

Серые строки ударили по зрению.

ОБЪЕКТ РАСПОЗНАН: САМОУСТАНОВЛЕННЫЙ ФУГАСНЫЙ ЗАРЯД.

ОСНОВНОЙ ЗАРЯД: ТРОТИЛ. РАСЧЁТНАЯ МАССА — 1,8–2,2 КГ.

ВЗРЫВАТЕЛЬ: Z.Z. 35, ТЯГОВОГО ДЕЙСТВИЯ.

Схема вспыхнула красным под задней скамьёй.

СОСТОЯНИЕ: НЕСТАБИЛЬНО.

**ПОВРЕЖДЕНИЯ: ДЕФОРМАЦИЯ КОРПУСА; НЕПОЛНАЯ ПОСАДКА
УДЕРЖИВАЮЩЕГО ШТИФТА.**

**СРАБАТЫВАНИЕ ВОЗМОЖНО ПРИ НАТЯЖЕНИИ ПРОВОЛОКИ ИЛИ
РЕЗКОМ СМЕЩЕНИИ ВЗРЫВАТЕЛЯ.**

Майор взялся за кожаную ручку ящика.

— Не трогать! — заорал я.

На поляне замерли все.

Майор тоже. Рука осталась на ручке.

Сорокин повернулся ко мне.

— Что?

— Заряд под сиденьем. Ящик соединён со взрывателем. Руку не двигать.

Майор медленно перевёл взгляд вниз.

— Уверен?

— Нет. Поэтому лучше проверить без двух килограммов тротила в животе.

Он не обиделся. Человек с уже перевязанной рукой лучше других понимал доводы о сохранности остальных частей тела.

— Всем от машины! — приказал Сорокин. — Живо! За деревья!

Толпа рассыпалась. Разведчики отступили. Красноармеец, который пригнал автомобиль, снял немецкую каску и только теперь понял, что всё это время сидел на заряде. Лицо у него стало белым.

Майор остался у борта.

— Я тоже отойду? — спросил он.

— Сначала отпустите ручку, — сказал я. — Медленно. Не тяните вверх и не давите вниз.

— Очень содержательное распоряжение.

— Выполняйте, товарищ майор.

Сорокин бросил на меня быстрый взгляд, но промолчал.

Майор разжал пальцы. Проволока под сиденьем не дрогнула.

— Теперь шаг назад. Ногу с подножки плавно.

Он отступил. Я выдохнул.

— Кто заметил? — спросил Сорокин.

— Я.

— Отсюда?

— Проволоку видно под сиденьем.

Капитан подошёл сбоку, наклонился, не касаясь автомобиля. Луч карманного фонаря скользнул по полу. Проволока блеснула снова.

— Теперь видно, — сказал он.

Майор потёр ладонью перевязанный рукав.

— Сапёры есть?

— Один, — ответил кто-то из-за сосны. — Ранен в бедро. Морфий дали.

— Разбудить.

— Он без сознания, товарищ майор.

Майор посмотрел на меня.

— А этот кто?

— Задержанный, — сказал Сорокин.

— Толковый задержанный.

— Это ещё выясняется.

Я снова посмотрел под сиденье. Красная схема стала подробнее. Заряд лежал в деревянной коробке, закреплённой между поперечинами кузова. От ящика шла проволока к кольцу взрывателя. Немцы рассчитывали, что находку потянут на себя. Повреждённый корпус превращал простой капкан в вещь, способную сработать от толчка.

Можно было оставить машину и подорвать из винтовки. Самый правильный вариант. Но вместе с ней исчезли бы документы и транспорт, а полбака бензина устроили бы пожар у самого штаба.

— Уничтожить на месте? — спросил Сорокин.

— Машину жалко, — сказал майор.

— Людей жальче, — отозвался я.

Сорокин посмотрел на меня так, будто узнал чужую фразу.

— Предложение?

— Отогнать людей ещё дальше. Потом зафиксировать тягу и отделить взрыватель от проволоки.

— Умеете?

— Нет.

Майор коротко рассмеялся.

— Хорошее начало.

— Но я вижу устройство. И понимаю, что нельзя трогать.

— Это мы уже поняли, — сказал Сорокин. — Что нужно?

— Плоскогубцы, мягкая проволока, тонкий гвоздь. И чтобы никто не дышал мне в спину.

Конвоир у штаба всё ещё держал мой свёрток инструментов. Федот забрал его у бойца и принёс сам.

— Где увидел? — тихо спросил он.

— Под сиденьем.

— Врёшь.

— Потом.

Он раскрыл свёрток на земле. Плоскогубцы нашлись. Мягкую проволоку сняли с крепления брезента. Гвоздь Крошин выдернул из пустого ящика и протянул мне.

— Если короткий, могу длиннее поискать.

— Этот подойдёт.

— А если не подойдёт?

— Тогда уже не ищи.

Крошин сглотнул и отошёл.

Сорокин выставил оцепление. Людей отвели за деревья, раненых перенесли глубже. Возле автомобиля остались мы с Федотом и капитан.

— Я просил, чтобы никто не дышал в спину, — напомнил я.

— Соломин помогает. Я наблюдаю.

— Если рванёт, наблюдение получится коротким.

— Поэтому не ошибайтесь.

Федот опустился на колено у переднего крыла.

— Он всегда так подбадривает? — спросил я.

— Тебе виднее. Ты с ним дольше знаком.

Я лёг на землю рядом с задним колесом и медленно просунул голову под кузов.

Пахло бензином, сырой кожей и нагретым маслом. Ящик крепился ремнями. За ним виднелись светлые бруски взрывчатки. Немцы даже не стали закрывать заряд металлом: рассчитывали на кузов, бензобак и людей вокруг.

Взрыватель стоял боком. Корпус действительно был смят. Возможно, его придавили, когда задвигали ящик. Удерживающий штифт вошёл не до конца. Тонкая стальная проволока тянулась к ручке кожаного футляра.

— Вижу, — сказал я.

— Что именно? — спросил Сорокин.

— Тяговый взрыватель. Проволока на ручке. Корпус повреждён.

— Немецкая маркировка есть?

— Есть.

— Читаете?

— Буквы и цифры.

Сорокин замолчал. Ещё одна отметка в его внутреннем протоколе.

Я просунул руку с гвоздём. Локоть упирался в землю, места почти не было. Если задеть проволоку рукавом, всё закончится раньше, чем Система успеет вывести вероятность.

Красным светились корпус, штифт и боевой капсюль. Зелёного не было. Система не предлагала решения. Она показывала, где сломано. Дальше человек должен был догадаться сам.

Я подвёл гвоздь к отверстию над штифтом.

— Миша, — тихо сказал Федот.

— Что?

— Рука дрожит.

— Держи локоть.

Он лёг рядом и обхватил моё предплечье обеими ладонями. Дрожь не исчезла, но стала меньше.

— Так?

— Так.

Гвоздь вошёл на треть и упёрся. Толстый.

Я остановился.

— Не идёт? — спросил Федот.

— Молчи.

Повернул гвоздь плоской стороной, нажал ещё раз. Металл тихо скрипнул.

Слишком громко.

Сердце ударило в рёбра. Взрыватель остался на месте.

Гвоздь прошёл насквозь и заклинил подвижную часть. Я обмотал корпус мягкой проволокой, затянул концы плоскогубцами. Потом зажал тягу между губками инструмента.

— Сейчас я перережу провод, — сказал я. — Федот, руку убери.

— Чтобы у тебя снова затряслась?

— Если сработает, одной рукой меньше собирать.

— Режь.

Он не отпустил.

Я перекусил проволоку.

Ничего не произошло.

Только обрезанный конец звякнул о деревянный ящик.

Я подождал три секунды. Потом пять. Время иногда нужно даже механизму, который не собирается взрываться.

— Живы? — спросил Крошин из-за дерева.

— Не мешай проверять, — отозвался Федот.

Я отвинтил взрыватель вместе с переходной втулкой, не снимая проволоочной обмотки, и осторожно положил его в небольшую ямку. Затем вытащил детонатор. Красное свечение погасло.

ВЗРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО ОБЕЗВРЕЖЕНО.

БОЕСПОСОБНОСТЬ ОБЪЕКТА УТРАЧЕНА.

ЗАЧЁТ ОСНОВНОЙ ЗАДАЧИ «ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА»: НЕТ.

ПРИЧИНА: ОБЪЕКТ НЕ ВОЗВРАЩЁН В СТРОЙ.

Даже здесь Система нашла повод уточнить, что взрыватель я испортил правильно.

Я вылез из-под машины и сел на землю. Руки теперь дрожали обе. Федот молча забрал плоскогубцы, сложил инструменты и только потом вытер ладони о галифе.

Сорокин осмотрел извлечённый взрыватель, потом заглянул под сиденье.

— Заряд снимать можно?

— Теперь можно. Только без ударов.

— Двое ко мне! — позвал он. — Ящик пока не трогать. Сначала проверить, нет ли второго взрывателя.

Майор вышел из-за сосны.

— Закончили?

— Да, товарищ майор, — ответил Сорокин.

— Машина цела?

— В отличие от немецкого замысла.

Майор подошёл ко мне и протянул здоровую руку.

— Воронов.

Я пожал её.

— Грачёв.

— Уже слышал. Вы мне сейчас жизнь спасли, товарищ младший сержант. И не только мне.

— Не торопитесь благодарить. Двигатель Крошин ещё не смотрел.

Майор рассмеялся снова. На этот раз громче.

Сорокин не смеялся.

* * *

Мою красноармейскую книжку капитан не вернул.

Зато разрешил умыться, поесть и десять минут полежать. В военное время это, видимо, считалось промежуточной мерой между расстрелом и полным оправданием.

Я сидел у санитарной палатки с котелком пшённой каши. Есть хотелось, но после автомобиля ложка дважды стукнула о зубы. Пришлось держать её обеими руками.

Ракитин устроился рядом. На его гимнастёрке засохла болотная грязь, лицо осунулось.

— Что было в машине?

— Тротил. Около двух килограммов.

— Много?

— Для автомобиля достаточно. Для штаба тоже.

Лейтенант посмотрел на дом лесника.

— Воронов исполняет обязанности начальника штаба сводной группы. Собирает всех, кто выходит с запада. Сорокин проверяет людей и донесения. Они сутки здесь.

— За сутки фронт два раза мимо пройти успел.
— Воронов говорит, восточнее ещё держат рубеж. Утром попробуем прорываться.
— Сколько людей?
— Сто двадцать с лишним. Боеспособных меньше. Винтовок на всех не хватает. Пулемётов четыре, исправных два.
Я перестал жевать.
— Откуда знаешь?
— Пока тебя допрашивали, я докладывал. Потом помогал считать.
— Наши?
— Аркадьича прооперируют, если врач продержится на ногах. Чернов ругается — значит, живой. Матвеев уснул. Зинаида Павловна уже командует всей палаткой.
— Остальные?
— Все здесь. Шестнадцать дошли.
Он сказал это тихо. Семнадцатый остался под сосной на сухой гриве.
К нам подошёл Федот и протянул мой инструментальный свёрток.
— Сорокин разрешил.
— Под расписку?
— Хотел. Бумагу пожалел.
Федот сел напротив. Некоторое время смотрел, как я ем.
— Я ему всё сказал, — произнёс он.
— Слышал.
— И про то, что ты после удара другой.
— Это тоже слышал.
Он нахмурился.
— Через стену?
— Дверь неплотная.
— Опять врёшь.
— Опять потом.
Федот сорвал сухую иголку с рукава.
— За машину зачем полез?
— Майор уже полез.
— Не твой майор.
— Теперь немного мой. Руку жал.
Он хотел сказать что-то резкое, но передумал.
— Патроны бросил, а за чужим майором под машину полез.
— Патроны не взрываются от рукопожатия.
— Не отшучивайся.
Я поставил котелок на землю.
— Федот Савельевич, я не знаю, сколько людей смогу вытащить завтра. И сколько оружия придётся оставить. Но если сегодня можно было не дать человеку разлететься по поляне, я это сделал.
Он кивнул. Не соглашаясь — принимая ответ.
— Взрыватель как увидел?
— Проволоку заметил.
— Проволоку я тоже видел. Когда ты уже заорал.
Федот наклонился ближе.
— Миша, я тебя с мастерской знаю. Ты хороший был. Рукастый. Только не такой. Теперь смотришь на железо, будто оно тебе само рассказывает.
Я провёл большим пальцем по краю ложки.

Правду он заслужил. Но правда звучала хуже любого признания, которое мог записать Сорокин. Я умер через восемьдесят с лишним лет, проснулся в теле его ученика и вижу над сломанным оружием надписи. Попробуй объяснить это человеку в июне сорок первого. Лучше сразу попросить отдельную палату рядом с сапёром под морфием.

— После контузии зрение изменилось, — сказал я. — Некоторые детали замечаю лучше. Не все. И не всегда.

Федот ждал продолжения.

— Это всё, что могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— И то и другое.

Он вздохнул.

— Значит, всё-таки не немец.

— Почему?

— Немцы объяснили бы понятнее. У них инструкция нашлась бы.

К нам подошёл Крошин. На щеке у него тянулась свежая полоса масла, лицо было довольным.

— «Хорьх» исправен. Вода есть, масло есть, бензина половина бака. Сцепление не тугое, боец просто сапог под педаль поставил.

— А под капотом взрывчатки нет? — спросил Ракитин.

— Я сначала издали посмотрел.

— Молодец.

— Потом Федота позвал.

— Зачем?

— Если рванёт, одному обидно.

Федот поднял с земли сосновую шишку. Крошин отступил заранее.

Из штаба вышел Сорокин.

— Грачёв, ко мне.

— Доел? — спросил Ракитин.

Капитан посмотрел в котелок.

— Доел.

Я соскрёб последнюю кашу со стенки и поднялся.

В доме теперь находился майор Воронов. Перед ним лежали немецкие карты из машины. Часть отметок уже перенесли на нашу карту. Синим карандашом очертили шоссе и две деревни восточнее.

— Проходите, — сказал майор. — Сорокин считает, что вопросов к вам меньше не стало.

— Стало больше, — поправил капитан.

— А я считаю, что оружейный мастер нам сейчас нужнее ещё одного задержанного. Командиры подтверждают его действия. Соломин подтверждает личность. Документы в порядке.

— Поведение изменилось после контузии. Объём навыков не соответствует подготовке.

— После контузии люди иногда стихи писать начинают.

— А иногда передатчики чинить.

Воронов провёл ладонью по лицу.

— Вы хотите его запереть?

— Запирать негде.

— Расстрелять?

— Оснований нет.

— Тогда пусть работает.

Сорокин посмотрел на меня.

— Работать будете под наблюдением. Сборный пункт без разрешения не покидать. К радиостанции не подходить. Любые распоряжения бойцам — через лейтенанта Ракитина или меня. Оружие получать по счёту, сдавать по счёту.

— А если начнётся бой?

— Тогда постарайтесь снова оказаться полезным.

Он достал мою красноармейскую книжку и положил на стол, но ладонь не убрал.

— И ещё, Грачёв. Я не решил, кто вы.

— Младший сержант. В книжке написано.

— Книжки тоже ошибаются.

— Люди чаще.

Сорокин убрал руку.

— Поэтому я буду рядом.

Я спрятал документ в нагрудный карман.

Капитан вышел первым.

Воронов дождался, пока дверь закроется.

— Не сердитесь на него. За ночь перехватили два ложных приказа и поймали одного сигнальщика. Тот ракетой немецкие самолёты на переправу наводил.

— Я не сержусь.

— Врёте.

— Сегодня все быстро учатся.

Майор усмехнулся и свернул карту.

— У нас за домом сарай. Туда сложили неисправное оружие. Всё, что вынесли с разбитых машин, подобрали у дороги и сняли с раненых. Осмотреть надо до рассвета. Понять, что можно вернуть в строй.

— Сколько?

— Не считали. Много.

— Кто поможет?

— Ваш Соломин. Можете выбрать ещё двоих. Но сначала осмотр. Ремонт начнёте после моего приказа.

— Почему?

— Потому что утром нам либо выдадут маршрут, либо придётся пробивать его самим. Я хочу знать, сколько стволов будет стрелять.

Он поднял перевязанную руку.

— И желательно узнать это раньше немцев.

* * *

Сарай стоял в тридцати шагах от штаба.

У дверей дежурили двое. Один держал винтовку, второй составлял опись на обороте немецкой листовки. Сорокин уже был там.

— Открывайте, — приказал он.

Засов сняли.

Внутри пахло ржавчиной, маслом и мокрым деревом. На земляном полу лежали три брезента. На первом — винтовки. На втором — два ручных пулемёта, искорёженный «Максим» без щита и детали ещё одного. На третьем свалили затворы, диски, ленты, шомполы и всё, что кто-то счёл достаточно важным, чтобы унести с поля.

Федот вошёл за мной и остановился.

— Это кто так складывал?

Красноармеец с описью поднял голову.

— А что?

— Затворы в грязи, пружины вперемешку с обломками, диски один на другом. Вы бы ещё песком присыпали, чтоб не заржавело.

— Некогда было раскладывать.

— Теперь два раза раскладывать будете.

Он уже командовал. Значит, обида между нами могла подождать.

Круглов заглянул через плечо.

— Меня возьмёте?

— Батареи сдал? — спросил Федот.

— Связисту.

— Руки вымыл?

Парень посмотрел на чёрные ладони.

— В болоте.

— Значит, чистые. Заходи.

Крошин появился следом.

— А я?

— Ты по машинам, — сказал Федот.

— Машина одна. Я её уже починил тем, что не сломал.

— Тогда будешь носить.

Сорокин встал в дверях, перекрыв свет.

— Грачёв выбирает помощников.

Федот медленно повернулся к нему.

— А я, значит, мебель?

— Вы подтверждённый специалист. Вас уже выбрали до него.

— Вот теперь порядок.

Я присел у первого брезента и коснулся ближайшей винтовки.

Перед глазами сразу появились строки.

ОБЪЕКТ РАСПОЗНАН: ВИНТОВКА МОСИНА ОБР. 1891/30 ГГ.

СОСТОЯНИЕ: НЕБОЕСПОСОБНА.

Жёлтым обозначились затвор и магазинная коробка. Рядом лежала вторая винтовка, над ней возникла ещё одна карточка. Потом третья. Четвёртая.

Я перевёл взгляд на весь сарай.

Серые окна наслаивались друг на друга. Красные и жёлтые схемы заполнили темноту. Система попыталась показать каждую поломку отдельно и впервые сама не справилась с количеством.

ДОСТУПНЫХ ОБЪЕКТОВ ВООРУЖЕНИЯ: 43.

АКТИВНЫЙ РЕЖИМ: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА.

РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ ПОЛНОГО ОСМОТРА: 07:18:00.

— Что там? — спросил Ракитин из-за спины.

Я закрыл лишние окна и посмотрел на людей вокруг. Федот уже сортировал винтовки. Круглов расстилал свободный кусок брезента. Крошин принёс ящик и перевернул его вместо стола.

До рассвета оставалось меньше двух часов.

— Семь часов только на осмотр, — сказал я. — А у нас меньше двух.

Федот развернул инструментальный свёрток.

— Значит, хватит смотреть. Делить будем.

Сорокин остался в дверях.

— Кого вам привести?

Я снова посмотрел на сорок три серых окна.

— Всех слесарей, механиков и тех, кто не теряет детали. Через пять минут.

Глава 6. Полк из обломков

Через пять минут к сараю пришли девять человек.

Один оказался сапожником. Второй до войны заведовал складом сельпо и считал себя механиком, потому что умел заводить весы ударом ладони. Третий сразу признался, что оружие разбирал только собственное и однажды собрал с лишней пружиной.

Последнего Федот выставил за дверь.

— Где пружина? — спросил он.

— Какая?

— Лишняя.

Красноармеец задумался.

— Потерялась, наверное.

— Вот и иди ищи.

Сапожника отправили чинить ремни у интенданта, заведующего сельпо — обратно считать патроны. У каждого нашлась работа, просто не у моего стола.

Сорокин наблюдал за отбором молча. У него было лицо человека, который уже видел многое, но собеседование в оружейную мастерскую посреди окружения в его служебные обязанности раньше не входило.

Остались шестеро. Тракторист, слесарь с железнодорожных мастерских, пожилой часовой мастер, два бойца, умевшие чистить винтовку без потери деталей, и тот самый красноармеец с описью. Его звали Егор, и главным достоинством Егора была способность писать разборчиво на любой бумаге, включая немецкие листовки.

— Этих хватит? — спросил Сорокин.

— Если не будут мешать.

— Кто определяет, мешают они или нет?

— Результат.

Капитан посмотрел на Ракитина.

Лейтенант понял без объяснений. Встал на пороге, пригладил ладонью мокрые волосы и повысил голос:

— На время осмотра и ремонта оружия выполнять распоряжения младшего сержанта Грачёва. В части, касающейся оружия, инструмента и распределения работ. Возражения?

Федот поднял палец.

— У меня.

— Какие?

— «Младший сержант» долго говорить. Можно просто Мишка?

— Вам можно, — сказал Ракитин. — Остальным нельзя.

Так у меня появилось девять подчинённых и ни одного права ошибиться.

В прежней жизни я запускал производственные участки. Чертил потоки, считал такты, ругался из-за деталей, которые по документам находились на складе, а по факту лежали за станком у дяди Коли. Здесь станков не было. Склада тоже. Зато дядей Коль оказалось сразу двое, и один из них был семнадцатилетним связистом.

— Коля, — позвал я.

Круглов уже тащил ещё один брезент.

— Я.

— Делишь всё на четыре группы. Белая метка — не трогать до осмотра. Одна чёрная — чистка. Две — разбор на детали. Крест — в дальний угол.

— Почему крест?

— Потому что воскреснуть им будет трудно.

Парень кивнул так серьёзно, будто получил командование батальоном.

— Чем метить?

Егор поднял огрызок химического карандаша.

— Чернила есть.

— Режьте листовки на полоски, привязывайте ниткой к скобе. Номер оружия, группа, что снято и кем.

— А белая метка чем? — спросил Коля.

— Чистой стороной бумаги.

— Она у них вся грязная.

— Значит, серой. Здесь всё серое.

Крошин поставил ящик посреди сарая.

— Я куда?

— Два стола. Один чистый, другой грязный. На чистом ни песка, ни ветоши с нагаром.

Свет сюда. Ещё нужны тиски.

— Тисков нет.

— Сделай, чтобы были.

Он посмотрел вокруг, увидел снятую со станка «Максима» стальную скобу, коротко хмыкнул и утащил её к двери.

— Федот Савельевич, на вас контрольная разборка и окончательное решение. Всё, что можно вернуть чисткой и заменой целого узла, идёт к вам. Всё сомнительное — мне.

Федот медленно поднял голову.

— Окончательное решение у меня, а сомнительное тебе?

— Вам достаётся власть. Мне ответственность.

— Хитрый стал после контузии.

— Раньше просто скрывал.

Он фыркнул и сел за перевёрнутый ящик.

Остальных я распределил по простым операциям. Никто не разбирает оружие целиком. Никто не переставляет деталь без бирки. Если что-то упало — работа останавливается, пока не найдут. Сломанное складывать отдельно от грязного. Грязное не считать сломанным.

Последнее пришлось повторить дважды.

В сарае стало тесно. Люди двигались, задевали плечами друг друга, ругались шёпотом. Керосиновую лампу подвесили к балке, ещё две поставили на ящики. Свет получился жёлтым и слабым. За дверью оставалась ночь, а внутри неё лежали сорок три неисправных ствола и менее двух часов времени.

Я коснулся первой винтовки, затем второй и третьей.

Окна появились снова. Каждое требовало внимания. Извлекатель. Ударник. Деформированная отсечка. Трещина ложи. Грязь, ржавчина, чужая деталь, поставленная силой. Система честно показывала всё и не понимала, что при таком количестве честность становится разновидностью саботажа.

— Не по одной, — пробормотал я.

— Что? — спросил Сорокин.

— Говорю, так не успеем.

Я положил ладонь на край брезента. Не на оружие — на всю грудку сразу.

— Одинаковые винтовки. Общие детали. Одна задача. Сортировка, а не ремонт.

Серые карточки дрогнули.

На миг показалось, что Система зависла. В прежней жизни после этого обычно начинали звонить программистам. Здесь звонить было некому.

Над брезентом проступила широкая рамка.

ОБНАРУЖЕНА ГРУППОВАЯ РЕМОНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ.

ОБЪЕКТОВ ОДНОГО КЛАССА: 31.

ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ ОПЕРАТОРОВ: 10.

ОБЩАЯ ЦЕЛЬ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ ДО ИСТЕЧЕНИЯ ЗАДАННОГО ВРЕМЕНИ.

Строки исчезли. Вместо них возникло новое сообщение.

ВРЕМЕННО ДОСТУПЕН АДАПТИВНЫЙ РЕЖИМ: «ПАКЕТНАЯ ДИАГНОСТИКА I».

ПРЕДЕЛ ГРУППЫ: 50 ОБЪЕКТОВ.

ФУНКЦИИ: СОРТИРОВКА ПО ТРУДОЁМКОСТИ; ПОИСК СОВМЕСТИМЫХ УЗЛОВ; РАСЧЁТ ОЧЕРЕДНОСТИ.

ОГРАНИЧЕНИЕ: ТОЧНАЯ ДИАГНОСТИКА ТРЕБУЕТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОСМОТРА.

ОГРАНИЧЕНИЕ: ОШИБКИ ОПЕРАТОРОВ НЕ ПРОГНОЗИРУЮТСЯ.

Последнее было справедливо. Ошибки людей не умела прогнозировать ни одна система, с которой мне приходилось работать.

Я мысленно выбрал режим.

Груда изменилась.

Не по-настоящему. Для остальных винтовки остались винтовками, беспорядочно уложенными на брезент. Я увидел четыре цветных контура. Зелёный окружил оружие, которое можно было вернуть в строй чисткой и мелкой заменой. Жёлтый — то, что требовало детали от донора. Красный лёг на винтовки с опасными повреждениями. Серым остался металл, на который сейчас не стоило тратить время.

Рядом возник расчёт.

ОЖИДАЕМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРИ ТЕКУЩИХ РЕСУРСАХ: 14–17 ЕДИНИЦ.

РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ: 01:34:00.

Уже лучше.

— Коля, первую, четвертую, шестую и восьмую направо. Девятую не трогать. Одиннадцатую к Федоту. Двенадцатую в доноры.

Круглов замер с бумажной полоской в зубах.

— Вы номера откуда знаете?

— Егор только что написал.

— Там темно.

— А ты меньше разговаривай, будет светлее.

Федот взял одиннадцатую винтовку, открыл затвор и посмотрел на меня.

— Почему эту?

— У неё магазинная коробка целая. На шестнадцатой повреждена, остальное годное.

— Ты шестнадцатую ещё в руки не брал.

— Возьмите сами.

Он взял. Осмотрел. Провёл ногтем по металлу, выругался себе под нос и протянул ладонь Круглову.

— Шестнадцатую сюда. И бирку не потеряй.

Сорокин всё это видел.

Я старался не смотреть на него.

Через десять минут пришёл Воронов. Майор держал сложенную карту здоровой рукой, перевязанная висела на ремне. На пороге он едва не столкнулся с Крошиным, который тащил доску с прикрученной к ней скобой от пулемётного станка.

— Это что? — спросил Воронов.

— Тиски.

— Похожи на капкан.

— Пока не доделал.

— Когда доделаешь, будут похожи на тиски?

Крошин подумал.

— Нет, товарищ майор. Но зажимать будут.

Воронов пропустил его и подошёл ко мне.

— Доклад.

— Неисправных единиц сорок три. Тридцать одна винтовка, два ручных пулемёта, один «Максим», остальное — отдельные узлы и оружие с неполной комплектностью. Вернуть до рассвета сможем пятнадцать. Если повезёт — семнадцать.

— Вчера вечером по спискам у нас было сто двадцать шесть винтовок и пулемётов, — сказал майор. — Выходит, почти треть не стреляла.

— Она и сейчас не стреляет.

— Сколько нужно времени?

— Час тридцать четыре минуты.

Сорокин повернул голову.

— Точно?

— Нет. Но если скажу «часа полтора», вы спросите то же самое.

Воронов развернул карту на свободном ящике.

— Через час двадцать начинаем выдвижение.

— Тогда четырнадцать.

— Мне нужно пятнадцать.

— А мне ещё десять минут.

Майор посмотрел на карту, потом на оружие. За стенами сарая кто-то быстро прошёл к штабу. Вдалеке один раз рывкнул мотор и заглох.

— Через час двадцать колонна тронется, — повторил Воронов. — Ремонт продолжать. Всё исправное сразу передавать Ракитину. Он распределит. Пулемёты — в первую очередь.

— Есть.

— Грачёв.

— Да?

— Пятнадцать.

— Тогда не стойте над душой, товарищ майор.

Сорокин медленно вдохнул.

Воронов свернул карту.

— Уже уйду.

Он вышел.

Федот дождался, пока шаги удалятся.

— Мишка, ты когда-нибудь дослужишься до того, что тебя расстреляют за тон, а не за шпионаж.

— Значит, Сорокин меня оправдает?

— Не обольщайтесь, — сказал капитан. — Я просто передам дело другой службе.

Работа началась по-настоящему.

* * *

Сначала сарай шумел.

Скребли шомполы. Стучал самодельный зажим Крошина. Федот ругался на перепутанные затворы. Егор повторял номера, Круглов отвечал. Снаружи таскали ящики, воду, ветошь и лампы.

Потом шум стал ровным.

Это был хороший признак. Люди перестали спрашивать о каждом движении и нашли ритм. Грязное поступало на один край брезента, разобранное — на стол Федота, проверенное уходило к Ракитину. Детали от доноров лежали на отдельных полосах ткани. Крошин сделал стойку из двух жердей, чтобы винтовки не складывали обратно в кучу.

Я перемещался между ними.

Пакетная диагностика не чинила оружие. Она вообще ничего не делала руками, что было характерно для всех начальствующих систем. Зато показывала, где мы теряем время. Если слесарь слишком долго возился с узлом, который всё равно шёл в доноры, над его столом росла жёлтая цифра. Если Круглов тянулся не к той детали, контур вспыхивал красным. Если две неполные винтовки могли стать одной целой, между ними появлялась тонкая линия.

Мне оставалось превращать цвета в команды, которые не звучали как припадок.

— Третью отложить. Не выправлять.

— Почему? — спросил железнодорожник.

— Трещина глубже, чем кажется.

— Я бы зажал.

— А стрелок потом получит затвором в лицо. Отложить.

Он недовольно бросил инструмент.

— При царе такие ремонтировали.

— При царе и людей было больше.

Федот поднял голову.

— Не ври. Людей всегда не хватало.

— Тогда тем более.

Первую винтовку вернули через девятнадцать минут.

Федот осмотрел её дважды. Проверил работу затвора, спуск, подачу. Потом протёр приклад рукавом и протянул оружие Сорокину.

— Исправна.

Капитан не взял.

— Грачёв подтверждает?

— А я для красоты тут сижу? — спросил Федот.

— Вы для подтверждения личности.

— Тогда личность подтверждаю. Винтовка тоже стрелять будет.

Я коснулся ствольной коробки.

СОСТОЯНИЕ: ОГРАНИЧЕННО БОЕСПОСОБНА.

РЕСУРС ДО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: 74–96 ВЫСТРЕЛОВ.

Для сегодняшнего утра хватит. До следующего ещё надо было дожить.

— Подтверждаю.

Сорокин сверил номер с листом и передал винтовку ожидавшему бойцу.

Тот был совсем молодым. Скулы выступали под кожей, гимнастёрка сидела мешком. Он прижал винтовку к груди обеими руками.

— Патроны получите у старшины, — сказал Ракитин. — Пять обойм. Оружие не терять.

Боец кивнул.

— Я не потеряю, товарищ лейтенант.

Как будто до него оружие теряли по невнимательности. Вместе с полками, складами и людьми.

Вторая винтовка ушла через четыре минуты. Третья — ещё через шесть.

На пятой Круглов едва не сорвал весь порядок.

Он нёс лоток с мелкими деталями, когда за дверью коротко свистнули. Парень дёрнул головой, зацепился сапогом за край брезента. Лоток накренился.

Федот успел подхватить один край, я — второй. На землю упало только кольцо.

Круглов побледнел.

— Я...

— Найди, — сказал Федот.

— Вот оно.

— Не это. Голову найди. Ты её с болотом принёс или там оставил?

Коля сжал губы. Взял кольцо, сверил бирку и положил на место. Пальцы у него дрожали.

Федот проводил его взглядом и тихо добавил:

— Лоток правильно держал. Поэтому не рассыпал.

Коля ничего не ответил. Только выпрямился.

Я сделал вид, что не слышал. Федот — что не говорил.

Время сжималось.

За сорок минут мы вернули восемь винтовок. Ещё три лежали на контрольном столе. Ручной пулемёт оказался лучше, чем выглядел: разбитый кожух скрывал целую механику, а недостающий узел нашёлся в ящике с деталями. «Максим» был хуже. Его собрали из основной части одного и того, что осталось от второго. Без щита, с погнутой рукояткой и заплатой на кожухе он походил на больного, которого выписали не потому, что выздоровел, а потому, что палата понадобилась следующему.

Федот возился с ним сам.

— Воду держит? — спросил я.

Крошин вытер ладонь о штаны и потрогал заплату.

— Пока да.

— Что значит «пока»?

— Вечность обещать не могу.

— Нам до вечности не надо. До следующей просеки.

— Тогда держит.

У порога появился Ракитин. На ремне у него висела немецкая фляга, в руках — карта.

— Через сорок минут выход.

— Воронов давал час двадцать, — сказал я.

— Полчаса уже прошло.

Я посмотрел на системный таймер. Прошло тридцать четыре минуты.

— Значит, через сорок шесть.

— Грачёв, тебе обязательно спорить даже со временем?

— Оно первое начало.

Ракитин развернул карту на стенке ящика. На ней были отмечены лесные дороги, две просеки и восточное шоссе. Синие значки стояли там, где вчера ещё должны были быть наши части.

— Связи с дивизией нет, — сказал он тише. — Разведка видела немецкие мотоциклы севернее. На юге слышны моторы. Воронов ведёт группу между ними, через старую вырубку. Дальше надо пересечь дорогу и уйти к восточной гряде.

— Дорога занята?

— Час назад была свободна.

— Значит, занята.

— Поэтому идём до рассвета.

Федот не оторвался от пулемёта.

— Сколько людей?

— Сто двадцать восемь вместе с ранеными. На ногах сто один. Тяжёлых повезём на трёх телегах и в трофейной машине.

— Аркадьич?

— Операцию закончили. Живой. В сознание не приходил.

Я выдохнул через нос. Этого было мало, но сегодня любая жизнь выдавалась малыми порциями.

— Сколько оружия после распределения?

— Семьдесят девять исправных винтовок, два ручных, два станковых. Плюс то, что вы дадите.

— Меньше человека на ствол.

— Раненым винтовки не нужны.

— Немцы могут не согласиться.

Ракитин провёл пальцем по карте.

— Я поставлю восстановленные винтовки во вторую и третью группы. Пулемёты — в голову и хвост колонны. Если дорога перекрыта, первая группа связывает немцев огнём, две другие проходят по краям вырубки.

— Все исправленные должны выстрелить при первом бою.

Он поднял глаза.

— Зачем?

Потому что Система считала оружие возвращённым в строй только после фактического применения. Объяснение годилось для капитана Сорокина ещё хуже, чем контузия, улучшающая зрение.

— Мы не стреляли после ремонта. Если какое-то откажет, лучше узнать сразу, пока рядом люди, которые могут исправить.

Федот кивнул.

— Правильно. По два контрольных выстрела. Только не в воздух. Патроны не казённые, теперь они наши.

— В бою лишних целей не будет, — сказал Ракитин.

Он свернул карту.

— Михаил, я рассчитывал вывести отсюда человек восемьдесят. Если разведка ошиблась — меньше.

Слова прозвучали спокойно. От этого стали тяжелее.

— А остальные?

— Поэтому я здесь и тороплю тебя.

Лейтенант ушёл.

Федот поставил на место крышку короба «Максима».

— Слышал?

— Слышал.

— Значит, не четырнадцать.

— Пятнадцать.

— Семнадцать.

Я посмотрел на него.

— Не успеем.

— Тогда меньше разговаривай, будет светлее.

Он вернул мне мою же фразу. Даже не улыбнулся.

Последние сорок минут прошли быстрее первых десяти.

Мы перестали считать усталость. Часовой мастер работал с мелкими деталями, сняв очки и почти касаясь носом металла. Железнодорожник больше не спорил. Крошин держал «Максим» в своём капкане и выправлял то, что ещё соглашалось стать прямым. Коля бегал между столами, повторяя номера как заклинания.

Двенадцатая винтовка ушла Ракитину.

Тринадцатая.

Ручной пулемёт.

Над ним Система показала жёлтый ресурс и предупреждение о диске. Я перебрал три магазина, выбрал один без деформации и привязал к ремню бумажную метку.

— Этот только к нему. Не менять без причины.

— Почему? — спросил Егор.

— Остальные хуже.

— Записать?

— Записать.

«Максим» закончили последним.

Федот откинулся назад. Лицо у него стало серым, на виске бился сосуд. Он провёл ладонью по крышке, как по боку лошади.

— Проверь.

Я положил руку на холодный металл.

Система собирала результат долго. Секунды три.

ОБЪЕКТ РАСПОЗНАН: ПУЛЕМЁТ СИСТЕМЫ МАКСИМА ОБР. 1910/30 ГГ.

СОСТОЯНИЕ: ОГРАНИЧЕННО БОЕСПОСОБЕН.

ОГРАНИЧЕНИЯ: СНИЖЕННАЯ НАДЁЖНОСТЬ ПОДАЧИ; НАРУШЕНА ГЕРМЕТИЧНОСТЬ КОЖУХА ПРИ ДЛИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: КОРОТКИЕ ОЧЕРЕДИ; ОСМОТР ПОСЛЕ КАЖДОЙ ЛЕНТЫ.

— Пойдёт, — сказал я. — Долго не держать. После ленты осматривать кожух и подачу.

— А если немцы не дадут? — спросил пулемётчик, ожидавший у двери.

— Тогда ругай их. Нас уже поздно.

Крошин засмеялся. Смех оборвался, когда снаружи прозвучала команда строиться.

Егор пересчитал лист.

— Тринадцать винтовок. Ручной. Станковый. Пятнадцать.

Федот посмотрел на две почти готовые винтовки.

— А эти?

— В ящик, — сказал я. — Возьмём с собой.

— Час работы.

— Если останемся, у нас не будет часа.

Он хотел возразить. Не стал. Сам завернул оружие в брезент и перевязал ремнём.

Сорокин забрал опись у Егора.

— Из сорока трёх — пятнадцать.

— Остальные не исчезли, — сказал я. — Восемь можно собрать позже. Десять — доноры.

Остальное только в стационарную мастерскую или в утиль.

— Стационарной мастерской у нас нет.

— Значит, в утиль пока не записывайте.

Капитан сложил лист и убрал в планшет.

— Вы всё ещё мыслите так, будто «позже» обязательно будет.

— Иначе чинить бессмысленно.

Он ничего не ответил.

* * *

Рассвет ещё не наступил, но ночь уже начала портиться.

Между соснами проступили серые полосы. Лица людей отделились от темноты, земля под ногами стала видна без фонаря. Вместе со светом пришёл холод. Он пробрался под мокрую гимнастёрку и нашёл все места, которые я успел отбить за последние двое суток.

Сводная группа строилась на лесной дороге.

Строем это можно было назвать только из уважения к уставу. В голове колонны стояли разведчики Сорокина, за ними две стрелковые группы Ракитина. Дальше — телеги с ранеными, санитары, связисты, штаб. В хвосте собирали тех, кто мог идти, но не мог быстро бежать. Петлицы, ремни и оружие были от разных частей. У одного бойца на гимнастёрке темнели следы споротых знаков, другой нёс кавалерийский карабин, третий держал сапёрную лопатку вместо винтовки.

Полк из обломков.

Только самого полка не было.

Я нашёл нашу шестнадцатку возле второй телеги. Матвеев стоял, прислонившись к колесу. Повязка сползла на бровь. Чернов сидел в телеге рядом с Аркадьичем и спорил с Зинаидой Павловной.

— Я сам пойду.

— Ты сам только рот открываешь, — сказала она, затягивая ему перевязь. — И то зря.

— Рука ранена, ноги целые.

— Кровь из руки вытекла, а глупость осталась. Удивительный организм.

Чернов увидел меня.

— Мишка, скажи ей.

— Сиди.

— Предатель.

— Зато живой.

Зинаида Павловна удовлетворённо дёрнула узел.

Аркадьич лежал под двумя шинелями. Лицо белое, губы сухие. Дышал часто, но дышал. Я коснулся края телеги, будто мог диагностировать человека через доску. Система не появилась.

И хорошо. Человеку не нужна надпись, чтобы понять, когда друг плох.

К нам подошёл Сорокин. В руках он нёс мой ДП и полный диск.

— Получите.

Я взял пулемёт. Вес лёг на плечо привычно, хотя знакомы мы были меньше двух суток.

— Диск отдельно уже не надо?

— Надо. Но времени нет.

— Значит, оправдан?

— Вооружён. Это не одно и то же.

Он передал диск.

— Оружие за вами до нового учёта. Самостоятельно группу не покидать. К радиостанции не подходить.

— Даже если она сломается?

Сорокин посмотрел на меня.

— Особенно если она сломается.

Ракитин прошёл вдоль людей, проверяя группы. У каждой восстановленной винтовки болталась короткая бумажная полоска. Хотели снять, но я запретил. В бою бирки могли намокнуть, сгореть или потеряться. Зато до первого выстрела я видел, где находятся наши пятнадцать.

«Максим» поставили на телегу в хвосте головы колонны. Пулемётчик шёл рядом, придерживая станок. Второй восстановленный ДП получил широкоплечий сержант из пограничников. Он осмотрел бумажную метку и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.